

²⁶⁴ См.: *Аксенов А.И.* Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия: С.Б.Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С.79.

²⁶⁵ *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч.1; *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1873-1875. Т.1-2; 2-е изд. СПб., 1895. Т.1-2; *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886-1887. Т.1-11.

²⁶⁶ *Ельчанинов И.Н.* Материалы для генеалогии ярославского дворянства. Ярославль, 1910. Ч.1; *Милорадович Г.А.* Родословная книга черниговского дворянства. СПб., 1901. Т.1-2; *Савелов Л.М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию тульского дворянства. М., 1904; *Московское дворянство: Родословная книга дворянства Московской губернии* /Под ред. Л.М.Савелова. М., 1914. Т.1. Дворянство жалованное и выслуженное. А-И.

²⁶⁷ *Норцов А.Н.* Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства (с гербами, портретами и таблицами) // ИТУАК. Вып.47. С.2 отд. паг.

²⁶⁸ Там же. С.18 отд. паг.

²⁶⁹ *Норцов А.Н.* Материалы для истории Тамбовского, Пензенского и Саратовского дворянства (с гербами, портретами и таблицами) // ИТУАК. Вып.47.

²⁷⁰ Там же. С.75 отд. паг.

²⁷¹ РГАДА. Ф.1293. Оп.1. Д.2. Л.122 об.

²⁷² Там же. Л.128 об.

²⁷³ *Савелов Л.М.* Документы рода Савеловых по Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.27-47.

²⁷⁴ *Губастов К.А.* Бланк: Тамбовская ветвь // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.287-289.

²⁷⁵ *Арсеньев В.С.* Графы Санти и де Шамборан // ИТУАК. Вып.51, ч.1. С.81-90; *он же.* Маркизы де-ла Губле // ИТУАК. Вып.52, ч.1. С.37-42; *он же.* Род дворян Волжиных // Там же. С.43-68; *он же.* Род дворян Кенсона // Там же. С.69-70; *он же.* Дворянские роды Арсеньевых, не принадлежащие к потомству Аслана-Мурзы-Челебея // ИТУАК. Вып.53, ч.2. С.7-22; *он же.* Род Шаблыкиных // Там же. С.23-28; *он же.* Бюцовы // Там же. С.29-30; *он же.* Дополнительные сведения к помещенным в Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии (вып. 50-53) родословиям графов Санти, маркизов де-ла Губле, Бюцовых, Арсеньевых, Шаблыкиных // ИТУАК. Вып.54, ч.1. С.37-54.

²⁷⁶ *Рудаков В.Е.* Рец. на: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1906. Вып.52 // ИВ. 1908. № 6. С.1082-1083.

²⁷⁷ *Воейков Ю.* Родословие Чичериных // ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.45-62; *Норцов А.Н.* Дополнение к родословию Чичериных // Там же. С.63-67.

²⁷⁸ *Карташов И.М.* Библиографические записки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных по Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.58. С.247-262.

²⁷⁹ *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. 1883. Вып.2. С.1.

²⁸⁰ Тамбовская губерния в 1812-1813 гг.: рефераты, статьи и документы // ИТУАК. Вып.56. С.120-324.

²⁸¹ *Аносов И.А.* Призренский протоиерей Стефан Березнеговский, историк Тамбовского края. Тамбов, 1915.

²⁸² *Ларин Н.В.* Протоиерей Г.В.Хитров // ИТУАК. Вып.58. С.275-281.

²⁸³ *Щеголев А.А.* Памяти Петра Ивановича Пискарева, почетного члена Тамбовской ученой архивной комиссии // ИТУАК. Вып.50, ч.3. С.1-10; *он же.* Памяти И.И.Дубасова // ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.1-13.

²⁸⁴ *Черменский П.Н.* Очерки по истории колонизации Тамбовского края. С.278.

Глава IV

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Исследование губернии в археологическом отношении

Тамбовская комиссия не ограничивала свою деятельность собиранием и изучением письменных источников, но активно включала в круг своих исследований вещественные памятники. Подобный подход к пониманию учеными архивными комиссиями своих задач был обусловлен предписанием Комитета министров от 1884 г. об изучении ими «различных памятников старины» и логически вытекал из того содержания, которое вкладывалось в XIX в. в понятие «археология». В силу расширительной трактовки ее предмета, включавшего изучение различных видов исторических источников, как документальных, так и вещественных, ГУАК были обречены на комплексное сочетание в своей деятельности функций историко-архивного и историко-археологического обществ. Весьма характерна в этой связи точка зрения А.Н.Норцова, указавшего в одной из своих статей на «родство археологии с архивами и архивной наукой вообще» и как результат – на «кровное родство археологии с архивными комиссиями». ¹ В то же время существовал и другой подход к задачам ученых комиссий, наиболее определенно выраженный членом Нижегородской ГУАК В.Г.Короленко. Он полагал, что основной задачей архивных комиссий является формирование исторических архивов, разбор и описание архивных дел, а не изыскания в области материальной культуры, отвлекающие, на его взгляд, силы сотрудников. На этом основании Короленко выступал против проведения раскопок силами комиссий и создания при них музеев. Признавая важность собирания и исследования вещественных памятников старины, он считал это делом специалистов, а не дилетантов из состава ГУАК. ²

Однако, будучи зачастую единственными в регионе историческими обществами, большинство ученых архивных комиссий понимали свою ответственность за сохранение всех категорий памятников местной старины. На этом основании их представители отвергли прозвучавшее на

частном совещании ГУАК в 1896 г. предложение о разграничении археологической и архивоведческой сфер деятельности и создании в провинции специализированных археологических обществ. При этом деятели комиссий исходили из знания ситуации на местах, в большинстве случаев не страдавших, по их словам, избытком специалистов, искавших «приложения своих сил в отвлеченных научных изысканиях».³ В силу этого они полагали нецелесообразным ограничение своей деятельности строго определенными рамками. Дальнейшая работа в данном направлении подтвердила верность прогноза известного русского археолога А.А. Спицына о том, что основной тяжесть археологических трудов самым естественным образом должна перейти из центра на местный уровень. «На западе, — писал он, — первенствующую роль в археологии завоевали местные археологи; то же неизбежно будет и у нас — когда провинциальные деятели дерзнут на специальные научные работы».⁴

Члены Тамбовской комиссии, так же как и многие другие провинциальные историки, исходили из представления о том, что «для правильной и всесторонней оценки прошлого родного края недостаточно ознакомиться с содержанием одних только архивных документов, а необходимо изучить и вещественные памятники старины».⁵ Не случайно уже на первом заседании комиссии ее председатель назвал в числе предстоящих занятий собирание и изучение памятников археологии и палеонтологии. В археологической деятельности ГУАК, как и в остальных направлениях ее работы, прослеживаются два этапа, содержание которых во многом было обусловлено взглядами двух председателей — И.И. Дубасова и А.Н. Норцова. В первый период своего существования комиссия, не имевшая необходимого опыта в проведении раскопок, а также средств для их организации, пыталась найти выход из положения путем привлечения к археологическим исследованиям местных любителей старины. 7 мая 1885 г. Дубасов обратился от имени ГУАК «ко всем образованным и любящим свою родину» жителям с просьбой о проведении в пределах губернии археологических раскопок.⁶ Подобное, недопустимое с современной точки зрения, предложение стало результатом несколько наивных представлений председателя об археологии как науке. Он, как и многие провинциальные историки, считал ее такой отраслью знаний, которая более других доступна «не одним ученым по профессии и образованным людям, но и людям простым, не ученым, но сочувствующим науке».⁷ В этой связи Дубасов неоднократно призывал своих сотрудников содействовать привлечению в качестве собирателей «людей простых, бедных историческим знанием, но богатых практическим опытом». Выполняя эту установку, члены ГУАК стремились привлечь к действию своим задачам широкий круг заинтересованных лиц. Так, в декабре 1886 г. помощник классного наставника гимназии А.И. Сатин во время своей поездки в Лебедянь познакомился с любителем старины М.Ф. Коптелкиным из с. Пятницкого, активно занимавшимся археологическими поисками. Последний по случайному попавшим к нему старинным записям обследовал ряд тайников и пещер близ города и намеревался произвести раскопки в его черте. Обращение лебедянского любителя

древностей в городскую управу успеха не имело, после чего он прислал в адрес ГУАК просьбу помочь ему в получении соответствующего разрешения. Именно от Коптелкина комиссия узнала о существовании в 30 верстах от Лебедяни ведущего на берег Дона подземного хода, а также о двух тайниках близ д. Ратманово и в Слободской волости. В марте 1887 г. Коптелкин поставил ГУАК в известность о своем намерении приступить к поискам тайника близ Лебедяни, после чего было принято решение о направлении для наблюдения за раскопками одного из членов комиссии. На мартовском 1887 г. заседании Сатин охарактеризовал Коптелкина как «талантливый самородок-археолога» и призвал коллег оказать ему посильную помощь.⁸

В то же время отметим, что последствия предложений И.И. Дубасова имели неоднозначный характер: с одной стороны, они обусловили значительный приток находок в комиссию, с другой — не могли не привести к уничтожению археологических объектов вследствие проведения некачественных раскопок. Во избежание негативных последствий комиссия предпринимала просветительные меры, направленные на предупреждение гибели случайно найденных местными жителями древних предметов. С этой целью практиковалась публикация обращений к сельским жителям с разъяснением значения подобных находок и предложением доставлять их за определенное вознаграждение в комиссию.

В отличие от первого председателя А.Н. Норцов делал ставку в развитии археологической деятельности ГУАК на ее собственные силы. Представляется важным, что первоначально в его планы входило перенесение акцента с мероприятий, носящих характер разведок, в практическую область проведения раскопок. С момента прихода на должность руководителя комиссии Норцов поставил задачу активизировать ее работу в данном направлении, что во многом определялось его собственными научными интересами. С этой целью он подготовил специальную программу археологического исследования края, однако впоследствии по причинам объективного характера его планы подверглись существенной корректировке.

Сознавая недостаточность своих знаний в области археологии, члены ГУАК стремились восполнить отсутствие специальной подготовки. Между тем возможности подготовки кадров археологов в провинции на рубеже XIX-XX вв. были ограничены. Повышение квалификации в данной области на местах сводилось к следующим основным способам. Во-первых, использовались немногочисленные пособия по методике и технике археологических раскопок, выполнявшие роль инструкций. К их числу относится пособие В.Б. Антоновича, Л.К. Ивановского и Д.Я. Самоквасова, а также брошюры Д.Я. Самоквасова и А.А. Спицына.⁹ В начале XX в. были изданы новое пособие Спицына и утвержденная XIV археологическим съездом переработанная инструкция Д.Я. Самоквасова и А.В. Селиванова.¹⁰ Наиболее популярной и используемой из перечисленных пособий на протяжении длительного времени оставалась брошюра Самоквасова,¹¹ неоднократно перепечатывавшаяся ГУАК, в том числе и Тамбовской. Известно, что тамбовские историки пользовались и руко-

водством Спицына, высланным им по просьбе А.Н.Норцова Археологической комиссией.

Другим зарекомендовавшим себя способом являлось привлечение известных специалистов-археологов с целью курирования раскопок, производившихся на местах. Так, по предложению И.И.Дубасова общее собрание комиссии постановлением от 9 сентября 1893 г. решило избрать членом ТУАК опытного рязанского археолога А.И.Черепнина. Предполагалось, что в дальнейшем он примет на себя обязанности куратора ТУАК в области археологических исследований. В мае 1899 г. он был приглашен в Тамбов для обучения местных историков способам раскопок курганов. Однако возлагавшиеся на него комиссией надежды оказались напрасными — чрезмерная занятость не позволила рязанскому археологу оправдать ожидания тамбовских коллег.

Определенную роль в подготовке местных кадров играли провинциальные археологические курсы, к участию в которых привлекались специалисты из крупнейших университетских центров. Так, большим успехом пользовались курсы, организованные в 1904 г в Твери. На них были приглашены видные ученые из Петербурга и Москвы (профессора С.Ф.Платонов, Н.В.Покровский, академик А.И.Соболевский и др.), прочитавшие циклы лекций по русской церковной архитектуре и иконографии, палеографии, истории Древней Руси и т.д. В курсах приняли участие представители Тверской, Ярославской, Нижегородской, Костромской и Пермской комиссий.¹² По свидетельству директора Археологического института Покровского успех курсов был блестящим: «Переполнение аудитории, всеобщее оживление, разнообразие слушателей по возрастам, званиям и состояниям — все это давало основания думать, что курсы... идут навстречу живой потребности знания».¹³ К сожалению, никто из членов Тамбовской комиссии, получившей приглашение Тверской УАК, не смог в силу различных обстоятельств принять участие в курсах. Тем не менее воодушевленная этим опытом, ТУАК планировала использовать его для организации археологических курсов в родном городе. Реализации задуманного, однако, воспрепятствовали революционные события 1905-1907 гг. Таким образом, несмотря на очевидное стремление тамбовских историков к овладению теоретическими навыками археологических исследований, большинство предпринятых ими для этого шагов в силу различных причин остались на уровне письменных постановлений.

В целом деятельность комиссии по изучению края в археологическом отношении сводилась к трем основным направлениям: выявлению археологических объектов путем разведок, посильному участию в проведении раскопок и обобщению сведений о существующих памятниках в виде археологических карт. Начало первому направлению положил И.И.Дубасов. Еще до образования комиссии он в 1879 г. побывал на Ширингушском городище в Спасском уезде, обследовал его и поместил описание памятника в своей книге «Очерки из истории Тамбовского края».¹⁴ Ему удалось приобрести у крестьян некоторые из древних предметов, обнаруженных на городище (впоследствии они были переданы в музей ТУАК). Осознавая научную значимость этих находок, Дубасов считал необходи-

мым пригласить для раскопок многочисленных неисследованных городищ северной части губернии видного русского археолога Д.Я.Самоковцова, о чем сообщал редактору журнала «Исторический вестник» С.Н.Шубинскому в письме от 11 августа 1879 г.¹⁵ Таким образом, уже в конце 1870-х гг. будущий председатель ТУАК пришел к мысли о важности изучения городищ края «посредством правильных раскопок». Его почин получил развитие в первые годы существования комиссии. Так, летом 1886 г. М.Г.Розанов совершил поездку в один из древнейших городов губернии — Елатьму, первые сведения о котором относятся к 1426 г.¹⁶ Согласно поступавшей в комиссию информации на берегах р. Оки в окрестностях города неоднократно находили черепки, кремневые скребки и другие предметы. Розанов на месте занялся сбором сведений о сделанных находках и обследовал ряд пещер близ с. Пустынь. На основании своих наблюдений он пришел к выводу, что раскопки в Елатомском уезде должны привести к значительным результатам, и предложил начать его тщательное археологическое обследование. Впоследствии епархиальный миссионер М.И.Третьяков во время поездки по уезду собрал информацию о древних курганах близ с. Глядково.¹⁷ В 1886 г. А.И.Сатин посетил другой старинный город губернии — Лебедянь, где познакомился с местными жителями, проявлявшими интерес к археологии, и получил от них ряд находок: старинные монеты, каменные изваяния, документальные материалы. Свои наблюдения над памятниками, главным образом церковной археологии, он обобщил в специальной статье.¹⁸ Помимо чисто научных целей, Розанов и Сатин использовали свои экскурсии для популяризации деятельности ТУАК, в результате чего им удалось заручиться обещанием ряда местных жителей и настоятелей храмов содействовать работе научного общества. Подробное описание Паньковского городища близ Шацка составил М.Ф.Николаевский.¹⁹ Он произвел замеры площади городища, определил направления окружавших его валов и рвов, а также узнал у населения связанные с памятником предания.

В 1890 г. комиссия предприняла попытку обнаружить местонахождение легендарной Онузы. Эта проблема живо интересовала И.И.Дубасова, посвятившего ей свой доклад на VIII археологическом съезде (1890 г.).²⁰ Русские летописи упоминают Онузу в связи с повествованием о разорении Рязанского княжества Батыем в 1237 г. По свидетельству летописца, Батый остановился по пути на Рязань станом на Онузе и послал оттуда своих послов к рязанскому князю Георгию Игоревичу. В связи с тем, что летописи не оговаривают местонахождения Онузы, историки выдвигали различные гипотезы и предположения на этот счет. Так, В.Н.Татищев и С.М.Соловьев полагали, что Онуза — это приток р. Суры, протекающий в Пензенской губернии.²¹ Свое предположение С.М.Соловьев основывал на созвучии названий других притоков Суры — Уза, Инза, Пенза — со словом Онуза. Его мнение разделял Д.И.Иловайский.²² М.П.Погодин считал, что под Онузой подразумевается река и город Усмань.²³ Тамбовский историк С.А.Березнеговский опровергал приведенные выше точки зрения. Он исходил из предположения, что Онуза не может быть рекой, т.к. в летописи сказано о взятии ее пленом. Отвергал он и версию о тождестве

Онузы и Усмани, построенной позднее, к тому же находящейся слишком далеко от Рязани. Проследив по летописным источникам путь Батыя, Березнеговский пришел к выводу о том, что Онузу следует искать на р. Польный Воронеж между д. Сосновской и Усть-Затонцем в Козловском уезде. Согласно его предположению Онуза была мещерским городом, в котором Батый остановился на зимовку перед походом на Рязань, истребив предварительно его жителей.²⁴ Дубасов почти во всем разделял позицию Березнеговского. Он также считал Онузу мордовским или мещерским городом, располагавшимся на равнине в десяти верстах от Козлова при слиянии рек Польного и Лесного Воронежа. Именно здесь, по его мнению, и был убит князь Федор Рязанский. Эта точка зрения разделялась другим членом ТУАК П.П.Падучевым.²⁵ Однако для подтверждения своей гипотезы Дубасов полагал необходимым произвести здесь раскопки с целью обнаружения развалин города и могильника. По поручению председателя в 1890 г. на предполагаемое место нахождения Онузы в район сел Устье и Никольское был командирован П.А.Дьяконов. Однако результаты экспедиции оказались отрицательными — ему не удалось обнаружить ни следов стоянки, ни каких-либо преданий о летописном поселении. При опросе населения выяснилось, что местные жители никогда не встречали здесь древних предметов или остатков костей. С результатами поездки Дьяконов ознакомил коллег на заседании комиссии 31 августа 1890 г.²⁶

В целях выявления археологических памятников и последующего их изучения и охраны ТУАК практиковала поездное анкетирование. Первый опрос уездных властей был проведен в 1888 г. по анкете, составленной Московским археологическим обществом. Она включала в себя одиннадцать пунктов, касавшихся находок каменных, медных и бронзовых изделий, старинных монет и оружия, костей, наличия пещер, насыпных валов, городищ и курганов, каменных баб, наскальных изображений.²⁷ В результате ТУАК собрала значительное количество сведений по Елатомскому, Козловскому, Моршанскому, Шацкому, Темниковскому, Тамбовскому и Спасскому уездам, за что получила в свой адрес благодарность от председателя общества графини П.С.Уваровой. В 1901 г. комиссией было проведено повторное анкетирование. На этот раз в перечень были включены вопросы о наличии в уездах старинных храмов, о древних обрядах и обычаях, особенностях местного быта. Вскоре в адрес ТУАК пришли ответы различной степени полноты от станových приставов и уездных исправников всех уездов губернии, кроме Борисоглебского.²⁸

Летом 1900 г. А.Н.Норцов выступил с предложением о проведении ежегодных экскурсий с целью систематического обследования губернии в археологическом отношении. В виде почина он совершил подобную поездку по Тамбовскому и Козловскому уездам для изучения сохранившихся частей сторожевой черты от с. Дмитровка до Кузьминой Гати. В ходе поездки он убедился в том, что отдельные ее отрезки значительно пострадали — были распаханы или использовались под хозяйственные нужды. Придя к неутешительному выводу о том, что «историческое прошлое вала не волнует умы не только местного крестьянского населения, но

и даже интеллигентного общества, которое остается безучастным к местной археологии»,²⁹ Норцов предложил как можно скорее произвести раскопки сохранившихся остатков черты, а также изучить следы Шацких укреплений. По его просьбе столоначальник Козловского полицейского управления А.А.Пор составил описание второй части Козловского вала, который был им зарисован и нанесен на карту.³⁰

В августе 1901 г. А.Н.Норцов совместно с В.В.Воейковым совершил археологическую поездку по Темниковскому уезду, результаты которой обобщил в специальной статье.³¹ Выбор Темниковского уезда был не случаен и диктовался двумя обстоятельствами. Во-первых, северная территория края являлась древнейшей областью его заселения финно-угорскими племенами, и во-вторых, к началу XX в. она оставалась практически неизученной. Норцов придавал исследованию этого региона большое значение, разделяя мнение С.А.Березнеговского о том, что некоторые города северной части края (Елатьма, Кадом, Темников) были основаны еще в период существования Древнерусского государства. В соответствии с намеченным планом предполагалось комплексное обследование уезда, включавшее выявление и описание памятников старины, письменных и вещественных, сбор фольклорного материала, проведение археологических раскопок. Однако вскоре выяснилась невозможность реализации столь широкой программы в ходе одной поездки, поэтому Норцов ограничился описанием археологических объектов, в том числе и памятников церковной археологии, а также сделал более ста фотографий. Норцов побывал в Кадоме, Темникове, селах Атюрево, Кишалы, Кушки, Кондровка, Бутаково, Вичкидеево, Веденяпино, Стандрово, Токмаково, а также в Саровском и Санаксарском монастырях. Он осмотрел и описал ряд городищ уезда: Кадомское, Темниковское, близ деревень Итальяковой и Дудниковой, села Нароватова. Норцов также собрал бытовавшие среди местных жителей легенды о городищах, считавшихся пристанищами местных разбойников. Археологических раскопок городищ прежде не производилось, однако они постоянно раскапывались населением в поисках кладов, находки которых здесь действительно были распространены. Так, в 1856 г. близ с. Нароватова было найдено 300 арабских и татарских монет, в 1898 г. у д. Марьиной обнаружен клад медных монет XVIII в. и т.д. Подобные раскопки имели своим следствием разрушение археологических объектов. Слушатель московского Археологического института Д.Н. фон Эдинг в своем письме в Археологическую комиссию от 1910 г. неутешительно констатировал: «Насколько мне приходилось видеть, распаханные курганы — обычное явление для Тамбовской губернии».³²

А.Н.Норцов попытался также разрешить поставленный им вопрос о происхождении городищ. Так, Кадомское городище он охарактеризовал как одно из древнейших в крае поселений финно-угорских племен, отметив сходство обнаруженных здесь предметов с вещами из Лядинского могильника. По мнению председателя комиссии, старое городище, находившееся на правом берегу р. Мокши в шести верстах от Кадома, было основано в XII в. Норцов обследовал и описал четыре его кургана, два из которых получили названия по стоящим на них церквям, — Преображен-

ский, Вознесенский, Кокуй и безымянный. По его предположению, три стоявших вблизи друг от друга кургана составляли городище, а отдаленный Преображенский являлся наблюдательным пунктом. Подчеркнув важное значение данного археологического памятника для восстановления истории края, А.Н.Норцов на заседании 17 декабря 1901 г. предложил комиссии приступить к его раскопкам. Не берясь решить вопрос о происхождении Темниковского городища, исследователь определил остальные описанные им поселения как становища бежавших в леса после введения Юрьева дня крестьян, за исключением Итяковского, являвшегося, по его мнению, боевой позицией.

Что касается собственно археологических раскопок, то приходится констатировать практически полное отсутствие возможностей их проведения силами самой комиссии. Между тем, как уже было отмечено выше, второй председатель придавал немаловажное значение организации активных самостоятельных раскопок. Залогом успеха в данной области он справедливо считал планомерность и систематичность. С этой целью А.Н.Норцов разработал программу археологического обследования губернии, которую предложил вниманию своих сотрудников на собрании 11 декабря 1900 г. Намеченный им план заключался в последовательном изучении трех выделенных археологических районов — северного, включавшего Елатомский, Темниковский, Шацкий и Спасский уезды; западного — Козловский, Лебедянский, Липецкий, Усманский и западные части Тамбовского и Моршанского уездов; восточного — Кирсановский, Бороглебский, восточные районы Моршанского и Тамбовского уездов.³³ В основу был положен критерий относительной древности заселения тех или иных местностей и степень насыщенности их археологическими памятниками.³⁴ Наиболее перспективным в плане возможных находок и важным в общеисторическом отношении, как уже указывалось, Норцов считал северный район, как древнейшую область заселения края. Он полагал, что раскопки курганов, находящихся на севере губернии, смогут помочь в определении не до конца выясненных границ расселения мери. Предполагавшиеся изыскания планировалось производить комплексно: с осмотром, описанием и раскопками археологических объектов, сбором фольклорного и этнографического материала, описанием памятников церковной археологии. В связи с тем, что по указу Александра III от 1889 г. исключительное право производства и разрешения раскопок на «казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям землях» было передано Археологической комиссии,³⁵ программа была послана в адрес комиссии и Московского археологического общества. Норцов известил их о намерении ТУАК начать производство раскопок городищ, которое, как он ошибочно полагал, является относительно легким делом. «К сожалению, — писал он, — комиссия имеет слишком скромные средства, чтобы пытаться делать правильные раскопки курганов, но на первый раз можно было бы начать раскопки городищ; это не сопряжено с таким расходом, знанием дела и осторожностью, какое требует раскопка курганов».³⁶ Археологическая комиссия поддержала начинание тамбовских историков и выслала открытый лист на производство раскопок.

Однако позиция Московского археологического общества была более неоднозначной. Приветствуя работу ТУАК по изучению края в целом, общество сочло необходимым заметить, что раскопки городищ, вопреки мнению Норцова, являются делом еще более сложным и ответственным, чем раскопки курганов. Ввиду этого рекомендовалось не предпринимать каких-либо практических действий из-за отсутствия у членов комиссии необходимого опыта, а ограничиться визуальным осмотром и описанием памятников, что «было бы гораздо проще, стоило бы дешевле и было бы целесообразнее».³⁷ Позиция Московского археологического общества, продиктованная стремлением уберечь памятники от неквалифицированных раскопок, представляется оправданной. Однако в то же время возникает вопрос о том, каким образом могли приобрести пресловутый опыт местные историки, если им рекомендовалось воздерживаться от самостоятельных раскопок. Так или иначе, ТУАК была вынуждена согласиться с мнением московских археологов. Отношением от 3 февраля 1901 г. ее руководство уведомило Московское археологическое общество о принятии к сведению его рекомендаций и о своем отказе от начала раскопок, с тем чтобы приступить к сбору археологических сведений и описанию памятников. Таким образом, задуманное Норцовым широкомасштабное производство археологических раскопок в пределах губернии так и не вышло из стадии теоретической разработки. Деятельность комиссии в данном направлении ограничилась попытками внести посильный вклад в исследование Лядинского и Кошибеевского могильников, проводившееся Археологической комиссией.

Первый из упомянутых могильников был открыт в июне 1869 г. при строительстве Тамбово-Саратовской железной дороги. На одном из ее участков близ р. Ляда строители обнаружили кости и разнообразные древние предметы из серебра, железа и меди. По свидетельству присутствовавшего при раскопках будущего члена ТУАК Л.В.Вышеславцева, было найдено не менее 500 представлявших археологический интерес предметов.³⁸ Часть вещей удалось сохранить — они были доставлены в Эрмитаж и Российский исторический музей, другие бесследно исчезли, осев в частных руках. Коллекция отобранных Вышеславцевым предметов (железных украшений и оружия) была пожертвована им музею комиссии в 1887 г. Решение о проведении научного обследования могильника было принято Археологической комиссией лишь спустя два десятилетия после его открытия. В адрес ТУАК было направлено отношение с просьбой о высылке описания найденных вещей и плана местности, на которой находился могильник. По поручению Археологической комиссии ТУАК заручилась разрешением владельцев земли предполагаемого участка раскопок — купца И.С.Третьякова, сенатора М.Н.Сазонова и его брата. Проведение раскопок, начавшихся в июле 1888 г., было поручено члену Археологической комиссии В.Н.Ястребову, положившему таким образом начало исследованию мордовских могильников в Тамбовском крае.³⁹ В процессе раскопок было вскрыто 143 могилы и зарегистрировано две тысячи предметов, среди которых были оружие, украшения, человеческие черепа и кости и т.д. Сходство найденных предметов с вещами из Гнез-

довских курганов Смоленской губернии и Новоладожского могильника Петербургской губернии позволило Ястребову датировать лядинские захоронения периодом X–XI вв.⁴⁰ Вопрос об этнической принадлежности могильника оставался первое время открытым. Финский археолог И.Р.Аспелин с уверенностью относил его к мордовским погребениям, однако сам Ястребов предлагал не спешить с ответом на подобный вопрос, утверждая, что возможна и его принадлежность мешере. Однозначный вывод о том, что имеется «полная возможность древности лядинского типа (IX–X вв.) отнести к мордве», был впервые сделан А.А.Спицыным.⁴¹

Тамбовская комиссия не могла остаться безразличной к столь значительному открытию, сделанному на территории края. Основываясь на предположении В.Н.Ястребова о том, что на железнодорожном участке, недалеко от исследованной им местности, должна находиться богатая предметами часть могильника, комиссия решила продолжить раскопки. Получив открытый лист и заручившись разрешением руководства железной дороги, в июне 1889 г. ТУАК приступила к изучению могильника. Средства на проведение раскопок в размере ста рублей были получены от комитета губернского музея, а их осуществление было поручено П.И.Пискареву. Вопреки всем ожиданиям, раскопки оказались безрезультатными: несмотря на тщательное изучение участка, обнаружить какие-либо признаки захоронений не удалось. Представитель Московского археологического общества В.И.Сизов, осуществлявший контроль за производством раскопок, был вынужден согласиться с заключением Пискарева о тщетности проведения дальнейших работ. Он посоветовал комиссии во избежание лишних затрат более тщательно намечать места предполагаемых раскопок и начинать их сразу в нескольких пунктах, с тем чтобы неудача в одном из них компенсировалась находками в другом. В целом же Сизов признал «скользкий путь раскопок» весьма затруднительным для провинциальных научных обществ из-за их чрезвычайно скудной материальной базы.⁴²

Потерпев неудачу на выбранном участке, П.И.Пискарев решил продолжить изыскания на территории, принадлежавшей И.С.Третьякову. Однако он столкнулся с решительным отказом последнего, мотивировавшего его тем, что ему не были возмещены убытки, связанные с предыдущими раскопками. В ответ на личные обращения И.И.Дубасова купец запросил сумму, превышавшую возможности ТУАК — триста рублей за раскопанную десятину. Таким образом, предпринятые комиссией попытки исследования Лядинского могильника не дали результатов, а их продолжение стало невозможным из-за отсутствия средств. Итоги проведенных исследований были изложены Пискаревым в статье, опубликованной в «Известиях» ТУАК.⁴³

Спустя десятилетие Б.Г.Фиксен вновь поднял вопрос о необходимости продолжить изучение Лядинского могильника. На заседании 7 декабря 1899 г. он обратил внимание коллег на то обстоятельство, что территория, на которой находились захоронения, перешла в руки нового владельца, не возражавшего против продолжения раскопок. Но большинство сотрудников оказалось настроено по отношению к предполагавшим-

ся исследованиям более чем скептически. В результате было принято решение вернуться к этому вопросу после улучшения материального положения комиссии.

Другой памятник, в исследование которого ТУАК попыталась внести свой вклад, был открыт в 1891 г. в имении дворянина В.Д.Траскина в с. Кошибееве Елатомского уезда. При рытье хозяйственной ямы здесь были обнаружены три могилы, в которых нашли разнообразные предметы — медные бляхи, золотые бусы, железные копья, конские удила и т.д. Вопрос об открытом памятнике обсуждался на заседании комиссии 27 августа 1891 г. Было решено начать его систематическое обследование. Однако вскоре тамбовские историки были поставлены в известность о том, что исследование могильника принимает на себя Московское археологическое общество. В связи с тем, что начало раскопок затягивалось, комиссия дважды (в 1891 и 1893 гг.) возбуждала ходатайство о командировке представителя общества для наблюдения за предполагавшимися ею раскопками, однако оба раза получила отказ. Наконец в 1895 г. к могильнику проявила интерес Археологическая комиссия, поручившая его исследование А.А.Спицыну. Последний открыл 109 могил, в которых были обнаружены предметы вооружения, части сбруи, мужской одежды, вещи домашнего обихода, женские украшения.⁴⁴ Некоторые вещи имели явные аналогии с предметами, обнаруженными при раскопках на Северном Кавказе и в могильниках пьяноборского типа бассейна р. Камы. На этом основании Спицын датировал Кошибеевский могильник VI–VII вв.⁴⁵

В 1902 г. исследование Кошибеевского могильника было возобновлено. На этот раз проведением раскопок занимался представитель Русского археологического общества В.Н.Глазов. К тому времени могильник уже получил известность старейшего из всех финно-угорских захоронений средней полосы России. На территории площадью в 250 квадратных сажень было обнаружено 97 погребений и 178 предметов.⁴⁶ Находки, как и в предыдущий раз, поступили в Российский исторический музей и Эрмитаж. В январе 1903 г. один из владельцев имения в с. Кошибееве И.Д.Траскин, избранный к тому времени членом ТУАК, предложил продолжить исследование могильника и ассигновал для этих целей 150 рублей. Комиссия приняла предложение нового сотрудника и планировала приступить к раскопкам летом 1903 г. В адрес Рязанской комиссии была направлена просьба о командировке в Тамбов опытного специалиста для оказания квалифицированной помощи и наблюдения за ходом раскопок. В ответ на запрос тамбовских историков Археологическая комиссия выслала открытый лист, однако при этом сочла необходимым довести до их сведения, что дальнейшие раскопки представляются ей нецелесообразными, т.к. могильник уже дважды тщательно обследовался.⁴⁷ Подобная рекомендация изменила планы ТУАК, и мысль о проведении раскопок пришлось оставить. В январе 1904 г. комиссия вернула открытый лист с извещением о том, что раскопки не состоялись по не зависящим от нее причинам.

Из других исследований Археологической комиссии на территории края, косвенное отношение к которым имела ТУАК, следует отметить

изучение Ново-Томниковского могильника. Он был открыт 1890 г. в с. Ново-Томниково Шацкого уезда в имении графа И.И.Воронцова-Дашкова. От владельца имения в Археологическую комиссию поступило собрание старинных предметов (бусы, пряжки, гривны, серьги, перстни, глиняные горшки). Впервые могильник исследовался В.Н.Ястребовым, описавшим находки,⁴⁸ часть из которых была передана в дар Тамбовской комиссии. Томниковские предметы оказались близкими к находкам из Лядинского могильника и были датированы IX в. Изучение могильника было продолжено Н.Е.Макаренко в 1910 г.⁴⁹ Всего на территории длиной 32 метра в 1910 г. было обнаружено 57 могил. В них содержалось значительное количество разнообразных предметов, большая часть которых поступила в Эрмитаж.⁵⁰

Значительным успехом ТУАК стали произведенные ее членом, слушателем Археологического института П.Г.Тарасовым исследования близ д. Ново-Нарышкинской Громовской волости Моршанского уезда. Его внимание привлекли пять курганов на территории Чудинской экономии, принадлежавшей члену комиссии помещику Е.И.Аносову. Археологу удалось установить, что в данной местности имеются погребения и без насыпных курганов, так как крестьянам при проведении земляных работ часто попадались человеческие кости. В 1902 г. Тарасов произвел раскопки трех курганов. Два из них содержали по три погребения, сопровождавшиеся плохо обожженной глиняной керамикой с орнаментом. Во втором кургане было обнаружено захоронение одних лишь голов — тип погребения, иногда встречающийся на юге России. Третий курган оказался разграбленным. Ни оружия, ни предметов домашнего обихода найти не удалось. Летом 1903 г. Тарасов продолжил свои изыскания — им была исследована группа курганов близ д. Удалой. Из пятнадцати курганов удалось раскопать десять, в них были обнаружены шестнадцать погребений и одно трупосожжение, сопровождавшиеся находками глиняных сосудов. Тип курганов был тождественен уже раскопанному в деревне Чудной. Исходя из положения костяков (на боку, в скрюченном виде, головой на север), Тарасов предположил, что захоронения принадлежали мордве-эрзе.⁵¹ Тогда же им был раскопан большой курган близ с. Громка, однако находок сделать не удалось.

В процессе раскопок на территории экономии попадалось значительное количество костей мамонтов, носорогов и других ископаемых животных, а также заготовки для орудий труда — кремневые желваки. Основываясь на этих находках, археолог предположил, что на данной территории должно находиться поселение древних людей, оставивших обнаруженные захоронения. Предположение оправдалось в полной мере: осенью 1903 г. близ д. Ново-Нарышкинской, в Петрунинской ложине была открыта стоянка доисторического человека. До этого момента поселение не было известно и не раскапывалось. Местные жители из-за округлой формы считали его не городищем или укреплением, а становищем некоего разбойника Турко. Уже пробные раскопки привели к обильным находкам. Были обнаружены костяные наконечники для стрел, черепки глиняной посуды, каменные молотки, кремневые наконечники и

т.д. — всего 8550 предметов.⁵² Часть находок после их демонстрации в Археологическом институте была отправлена в музей ТУАК. В письме от 11 октября 1903 г. П.Г.Тарасов, производивший изыскания на собственные средства, известил комиссию о своем открытии и попросил сумму в 60-100 рублей для продолжения исследования уникального памятника.⁵³ Однако крайняя скудость бюджета не позволила ТУАК субсидировать дальнейшие раскопки, и вскоре они были приостановлены.

Открытие П.Г.Тарасова представляло значительный интерес для изучения доисторического прошлого Тамбовского края, на территории которого к началу XX в. было обнаружено до двадцати памятников каменного века.⁵⁴ Большинство из них не отличалось обилием археологического материала. Исключение составляло Ширигушское городище, при раскопках которого были найдены не только каменные топоры, но и медные изделия, что позволило отнести его к более позднему времени — энеолиту. Характер обнаруженных в Петрунинском поселении предметов давал возможность предположить, что оно является одним из древнейших на территории края, однако определение его точного возраста вызывало у Тарасова затруднения. В конце концов, основываясь на обилии обнаруженных костей домашних животных, а также на находках крупинки меди и шлифовальных камней, археолог сделал предположение о принадлежности поселения к эпохе неолита. Результаты раскопок и свои наблюдения Тарасов изложил в статье, опубликованной в «Известиях» ТУАК.⁵⁵ Основываясь на сходстве керамики из курганов и поселения, Тарасов заключил, что они принадлежали одним и тем же обитателям, характер занятий которых он определил как скотоводческий.

В 1904 г. археолог намеревался продолжить изучение поселения, однако его обращение в комиссию за средствами оказалось безрезультатным. Предложение обратиться за помощью к губернским учреждениям и «просвещенным лицам» не нашло отклика у руководства ТУАК. Весной 1905 г. П.Г.Тарасов вновь возобновил свои просьбы, сославшись на авторитетное мнение профессора Н.И.Веселовского о важности проведения археологических исследований в Моршанском уезде. Собрание комиссии от 7 апреля постановило: ввиду отсутствия средств, единственное, чем она может помочь своему сотруднику — это ходатайствовать перед губернской земской управой о бесплатном предоставлении лошадей. В то же время руководство ТУАК направило в адрес Археологической комиссии прошение, в котором говорилось следующее: «Богатые памятники седой древности Тамбовской губернии почти не исследованы еще, за исключением одиночных мест. Сама Тамбовская ученая архивная комиссия при скудости своих средств не может принять на себя ведение археологических исследований. Но среди ее членов проявляется самоотверженное служение науке и в высшей степени было бы жаль, если это энергичное исследование, давшее, даже при скромных условиях, столько ценного материала, должно заглухнуть, будучи лишено поддержки».⁵⁶ Обращение ТУАК увенчалось успехом. Благодаря назначенной Археологической комиссией субсидии Тарасов в 1905 г. продолжил свои исследования. Заложив пробные траншеи, он определил границы поселения и

обнаружил ряд предметов из камня, кости и кремня. Среди последних наибольший интерес имели костяные пряслицы цилиндрической формы.⁵⁷

Дважды Тамбовская комиссия предпринимала исследование мордовского кладбища, расположенного между селами Тулиновка и Татаново Тамбовского уезда. Впервые сведения о нем поступили в комиссию от ее сотрудника, учителя Тулиновского земского училища Ф.И.Толстова. В 1903 г. он со своими учениками обследовал кладбище и обнаружил серебряные монеты XVI-XVII вв., которые принес в дар губернскому музею.⁵⁸ Осенью того же года А.Н.Норцов и В.В.Воейков произвели на территории кладбища раскопки, однако представляющих интерес предметов не обнаружили.⁵⁹

Наряду с удачными исследованиями ГУАК допускала и явные промахи, как это было в случае с обследованием местности близ села Татанова. В 1914 г. в газете «Тамбовский край» появилось сообщение о таинственном кургане и найденных здесь многочисленных кладах.⁶⁰ Неизвестный автор сообщал об обнаруживаемых в этой местности старинных монетах, украшениях и костях. Предположив, что речь идет о могильнике, комиссия постановила командировать для сбора сведений В.П.Троицкого. Существенную помощь ему оказал местный священник П.И.Софийский, избранный членом ГУАК и предоставивший в ее распоряжение документальные материалы XVII в., проливавшие свет на историю с. Татанова. Согласно этим документам, село было основано мордовскими жителями на правом берегу р. Цны в XVII в. Впоследствии, когда мордву отнесли к северу, село населили русские, переместившиеся на левый берег. Старое поселение, при котором сохранились остатки кладбища, получило название «родительского». Троицкий предпринял раскопки могил, однако представлявших исторический интерес вещей не обнаружил, в силу чего предположил, что дальнейшее исследование местности лишено смысла. Данное заключение являлось глубоко ошибочным, т.к. проводившиеся здесь впоследствии исследования дали богатые результаты: археологи обнаружили следы эпохи неолита, три поселения эпохи бронзы и раннего железа, а также мордовское и русское поселения.⁶¹

Комиссия предпринимала также попытки палеонтологических исследований. В ноябре 1910 г. в д. Ольшанке Бульгинской волости Кирсановского уезда на берегу р. Иры были обнаружены кости мамонта. ГУАК уполномочила А.И.Самоцветова и С.Ф.Николаева провести здесь соответствующие исследования. Николаев, воспользовавшись указаниями местного учителя Ф.Лактионова, священника И.Блинова и крестьян, обнаруживших кости, произвел раскопки. Кроме большого куска бивня, был найден череп мамонта.⁶² В 1915 г. член комиссии дьякон Н.Д.Васильев обнаружил в Екатерининской волости Кирсановского уезда кости мамонта, доставленные им в музей ГУАК.⁶³

Большое значение комиссия придавала обобщению данных об уже открытых археологических памятниках края. Первой попыткой свести их воедино стало предпринятое И.И.Дубасовым поуездное описание курганов, городищ, городков и отдельных находок, помещенное в четвертом

выпуске его «Очерков», вышедшем в 1887 г. Однако это описание отличалось неполнотой и не имело картографического оформления. Поэтому начальным опытом в области археологической топографии края следует считать карту, подготовленную М.Г.Розановым и А.В.Проскурниковым в 1889 г.⁶⁴ в связи с началом работ по составлению сводной общероссийской археологической карты. Решение о подготовке такой карты было принято на V археологическом съезде, поручившем Д.Н.Анучину, В.Б.Антоновичу и В.Г.Тизенгаузену разработать ее проект.⁶⁵ На основе этого проекта Московское археологическое общество подготовило список вопросов, разосланный в провинциальные научно-исторические общества.⁶⁶ В числе ГУАК, принимавших наиболее активное участие в составлении карты, была и Тамбовская комиссия. При разработке карты края использовались данные о курганах, обобщенные московским членом комиссии И.Ф.Токмаковым, и сведения, опубликованные в «Тамбовских губернских новостях».⁶⁷ Авторы поставили перед собой задачу описать археологические памятники в пределах каждого уезда. В пояснительной записке, прилагавшейся к карте, объекты были подразделены на три группы: курганы; городища, валы и пещеры; отдельные находки (монеты, керамика, орудия труда, оружие и т.д.).

Несмотря на стремление авторов карты к возможно более широкому охвату памятников, ее нельзя было признать исчерпывающей. На это обстоятельство обратил внимание А.Н.Норцов, поставивший задачу подготовить новый вариант карты. На заседании 7 июня 1900 г. по его предложению было принято решение приступить к сбору сведений обо всех важнейших археологических памятниках с целью составления нового варианта карты. 11 декабря 1900 г. Норцов сделал доклад, в котором была предпринята попытка обобщить сведения об археологических объектах губернии.⁶⁸ Сообщение председателя стало первым шагом на пути к подготовке нового варианта археологической карты. При этом Норцов преследовал более широкие цели, чем его предшественники. Он поставил задачу раскрыть не только археологические, но и исторические особенности края, что нашло отражение в названии карты.⁶⁹ Помимо описания археологических объектов, автор включил в текстовую часть сведения из истории городов, сел и деревень губернии, данные о памятниках церковной архитектуры, бытовавшие среди местных жителей предания и легенды. В предисловии Норцов подчеркнул, что не претендует на полный обзор всех археологических и исторических достопримечательностей края, но останавливается лишь на важнейших из них. Всего на карту было занесено более 600 объектов — курганов, городищ, могильников, местонахождений монетных кладов, костей и других случайных находок.⁷⁰ Кроме того, были описаны остатки укрепленных линий в Шацком, Спасском, Тамбовском, Лебедянском, Липецком, Козловском и Усманском уездах. К числу недостатков карты следует отнести отсутствие на ней обозначения татарских сакм и сторожевых черт на севере края.

В отличие от своих коллег В.В.Воейков, подготовивший в 1902 г. собственный вариант археологической карты,⁷¹ не стремился к охвату всех видов памятников. Он остановился лишь на описании курганов, сведе-

ния о которых собирал на протяжении трех лет путем визуального изучения. Археолог обследовал гряду курганов, тянущуюся полосой с запада на восток южнее Тамбова и Кирсанова вплоть до границы края с Саратовской губернией. Не претендуя на глубокие выводы, которые, как он справедливо полагал, возможны лишь в результате тщательных раскопок, автор ограничился нанесением на карту и описанием 154 курганов. При этом он классифицировал курганы по назначению (сторожевые, могильники, остатки жилищ), изложил свои наблюдения относительно их формы, описал обнаруженные случайные находки.

Дополнением к карте А.Н.Норцова стали составленные в 1907 г. М.Ф.Николаевским и Н.Н.Лариным описания археологических памятников Шацкого и Борисоглебского уездов соответственно.⁷² В своеобразной «слепой» карте Николаевский довольно подробно описал два городища, расположенные между селами Желанным и Ялтуновым, курганы, мордовские захоронения, случайные находки. Кроме того, он привел бытовавшие в уезде предания, связанные с памятниками старины. Наибольшее их количество было собрано в бывшем дворцовом селе Конобееве, история которого, по мнению некоторых исследователей, восходит к XV в. Ларин поставил перед собой задачу дополнить карту Норцова, в которой приводились достаточно скудные сведения о памятниках Борисоглебского уезда. Он описал ряд могильных курганов и находок, но оказался не в состоянии ответить на поставленные им самим вопросы — об этимологии названия р. Токай, о происхождении урочища Полонная вершина и т.д. Таким образом, статьи Ларина являются дополнением к работе Норцова лишь в описательной части, уступая ей в аналитическом отношении.

В целом деятельность Тамбовской комиссии по археологическому обследованию края значительно уступала размаху ее работ в области архивного дела. Данное обстоятельство объясняется как недостаточной подготовленностью ее сотрудников для проведения самостоятельных археологических исследований, так и пониманием ими приоритетности своих задач по изучению и сохранению прежде всего письменных памятников. Констатируя практическое отсутствие произведенных силами комиссии археологических раскопок, в то же время следует признать ее бесспорный вклад в дело накопления и обобщения данных об археологических объектах края.

2. Создание и развитие Тамбовского губернского музея

Проводившиеся ГУАК работы по археологическому обследованию регионов неизбежно сопровождалась накоплением памятников материальной культуры, на основе которых создавались местные музеи. Они стали частью сложившейся в пореформенной России обширной сети комплексных музеев, возникновение которых было вызвано как потребностями развивавшейся экономики страны и необходимостью изучения истории и особенностей хозяйствования отдельных регионов, так и объективными условиями развития археологической науки. Известный

археолог А.А.Спицын писал в это время: «Наша наука складывается столько же из крупного, столько и из мелкого материала, который не может быть усваиваем центральными музеями, и остается в местных».⁷³

В то же время положение данной категории музеев было достаточно неопределенным, особенно в плане финансирования, что вызывало неоднозначное отношение к ним со стороны представителей «большой» науки. Так, на VII археологическом съезде, состоявшемся в Ярославле в 1887 г., данной проблеме были посвящены доклады И.Ф.Лихачева и графини П.С.Уваровой. В выступлении первого проводилась мысль о необходимости привлечения общественной инициативы к охране памятников и созданию провинциальной музейной сети.⁷⁴ Отношение Уваровой к местным музеям было менее однозначным. С одной стороны, она характеризовала губернские, областные и земские музеи, вызванные к жизни «единственно энергией скромных местных тружеников», как ценное общественное достояние, чьи коллекции призваны «играть первенствующую роль в изучении нашего обширного отечества и в особенности наших далеких окраин». В этой связи она предложила на рассмотрение съезда разработанный ею проект положения для губернских и областных музеев.⁷⁵ С другой, Уварова продемонстрировала достаточно скептическое отношение к музеям ученых архивных комиссий. Она заявила, что, занявшись разработкой древностей, ГУАК «неволью увлеклись раскопками, и, забывая свое первоначальное назначение собирать, охранять и описывать архивы и памятники древности, стали составлять коллекции».⁷⁶ Из этого высказывания можно сделать вывод, что данное направление деятельности она считала выходящим за рамки компетенции архивных комиссий. Основным недостаток музеев ГУАК Уварова видела в скудости их коллекций. В своем выступлении она привела в качестве примера бедных, неописанных и несистематизированных собраний музеев Саратовской и Нижегородской комиссий. Но Уварова не учла того обстоятельства, что ГУАК переживали в то время период становления и в силу неразвитости своей деятельности в принципе не могли обладать еще значительными коллекциями. Впоследствии многие из них, например, Тверская и Рязанская комиссии, составили богатейшие собрания. Неслучайно в 1895 г. для музея первой была предоставлена часть императорского дворца в Твери. Некоторые из музеев ГУАК в силу их особой научной значимости были переведены на государственное финансирование. Спустя два года после своего создания упомянутый выше тверской музей по ходатайству губернатора и попечителя Московского учебного округа был принят в ведение министерства народного просвещения. В 1898 г. был утвержден его устав, а с 1901 г. на его содержание из государственной казны отпускалось по одной тысяче рублей ежегодно.⁷⁷

В Тамбове мысль о создании музея впервые была высказана секретарем губернского статистического комитета К.В.Коханским в 1873 г. Губернская земская управа изъявила готовность предоставить для него соответствующее помещение, в котором предполагалось собрать «разные предметы по сельскому хозяйству, фабричной и промышленной торговле и другим предметам, могущим иметь интерес в разных отношениях».⁷⁸ Однако губернс-

кое земское собрание отклонило ходатайство об открытии музея. Вновь эта идея всплыла в связи с подготовкой празднования столетнего юбилея Тамбовского наместничества, отмечавшегося 15 декабря 1879 г. Инициатором организации музея стал преподаватель Екатеринбургского института И.И.Дубасов. «По моей мысли, — писал он в своем письме от 20 сентября 1879 г. редактору журнала «Исторический вестник» С.Н.Шубинскому, — решено открыть в Тамбове в день юбилея губернский музей».⁷⁹ Инициатива Дубасова была поддержана ректором Тамбовской духовной семинарии архимандритом Димитрием, губернским предводителем дворянства Г.В.Кондоиди, тамбовским городским головой С.С.Федоровым, усманским городским головой Е.А.Винокуровым, уездными предводителями дворянства М.П.Олениным, И.П.Олениным, В.А.Дурасовым, С.М.Филипповым, Ю.А.Ознобишиным. 10 сентября 1879 г. состоялось совещание вышеупомянутых лиц с губернатором А.А.Фредериксом, на котором было принято решение об образовании специальной комиссии для выработки программы музея и о возбуждении соответствующего ходатайства перед министерством внутренних дел. Возглавил комиссию сам губернатор. После получения положительного ответа был начат сбор средств, принесший к ноябрю 1880 г. сумму в 3213 рублей 52 копейки.⁸⁰ Удалось собрать также некоторое количество экспонатов. На заседании 2 ноября 1879 г. комиссия разработала программу будущего музея, в основу которой был положен устав Тверского губернского музея. В соответствии с ее положениями структура будущего музея должна была включать в себя три отдела.⁸¹ В первом предполагалось собрать археологические и палеонтологические предметы, а также нумизматические коллекции, церковные древности, предметы бытового характера, портреты и автографы выдающихся деятелей — уроженцев края, рукописные акты, библиотеку местных изданий. Вторым должен был состоять из образцов сельскохозяйственного производства, фабричных, ремесленных и кустарных изделий, а также орудий труда. Третий отдел должен был иметь этнографический характер. В связи с отсутствием необходимого помещения было принято решение обратиться к комитету Тамбовской публичной библиотеки с ходатайством о предоставлении для музея помещения в ее здании.

В декабре 1879 г. комиссия по устройству губернского музея была преобразована в постоянный комитет. Его председателем был назначен Э.Д.Нарышкин, вице-председателем — Л.А.Воейков, секретарем — депутат дворянского собрания Тамбовского уезда С.Н.Чичерин, казначеем — директор Екатеринбургского института С.В.Попов. В состав комитета вошли также И.И.Дубасов, архимандрит Димитрий, председатель губернской земской управы Л.В.Вышеславцев. Получив сообщение о хранящихся в библиотеке Липецких минеральных вод старинных рукописях и книгах, комитет принял решение о командировке в Липецк председателя комиссии с целью выяснения возможности передачи их в музей. В ходе своей поездки, состоявшейся в январе 1880 г., Дубасов составил опись 26 книг, среди которых были издания XVI-XVIII вв.

Однако к началу 1880-х годов энтузиазм жертвователей и строителей музея несколько остыл, и работа приостановилась. В итоге И.И.Дубасов

был вынужден констатировать в одном из своих писем 1881 г.: «Дело Тамбовского музея, хотя на него и собрано более 9000 рублей, стоит и служит, таким образом, печальным указателем нашей провинциальной культуры. А между тем, при некоторой раскачке наших деятелей Тамбовская губерния могла бы своими средствами сформировать довольно любопытный в этнографическом и даже историческом отношении музей».⁸² Из последующих слов письма («один в поле не воин») становится ясно, что члены комиссии по устройству музея устарились от работы, и Дубасову пришлось принять на себя все хлопоты по его организации. В августе 1882 г. во время работы в московских архивах он обратился за помощью к Н.В.Калачову, и тот дал обещание приехать в Тамбов с целью продвижения устройства местного музея. Открытие музея откладывалось также из-за отсутствия необходимого помещения. В этой связи Л.А.Воейков на заседании 18 ноября 1880 г. предложил осуществить соединение музея и библиотеки в единое учреждение и передать его в ведение земства.⁸³

Вопрос об открытии музея оставался нерешенным вплоть до учреждения в Тамбове ученой архивной комиссии, после чего коллекции поступили в ее непосредственное заведование. При открытии комиссии музей состоял из четырех отделов: рукописного, художественного, нумизматического, палеонтологического. Имелись также отдельные предметы для будущих этнографического и минералогического отделов. На заседании 8 марта 1885 г. И.И.Дубасов поставил вопрос о необходимости приведения в порядок музейных предметов и составления их описи. Это занятие было поручено П.А.Дьяконову, М.Г.Розанову и А.И.Мирославскому. Одновременно началась работа по выявлению предметов музейного значения и приему поступавших в дар комиссии пожертвований. Уже в первый год функционирования комиссии в рукописный отдел поступили старинные столбцы и царские автографы XVIII — начала XIX вв.; в отдел живописи — портреты Екатерины II и А.В.Суворова, собрание гравюр; нумизматики — медали, складни, образки и монеты; палеонтологии — орудия каменного века и кости ископаемых животных.⁸⁴

На заседании 22 апреля 1886 г. М.Г.Розанов внес предложение о том, чтобы по примеру тверского музея и Рязанской комиссии обратиться к епархиальному начальству с ходатайством о высылке в адрес музея вышедших из употребления предметов религиозного культа. Однако епископ Виталий не счел возможным обязать настоятелей монастырей и церквей отсылать церковные предметы в музей, аргументировав свой отказ тем, что освященным предметам более уместно храниться в храмах, чем в музейных зданиях.

Стремясь расширить источники комплектования музея, осенью 1886 г. ТУАК поместила в местной печати обращение к жителям с просьбой присылать в музей случайно найденные древние предметы. Однако проведению подобной практики воспротивилась Археологическая комиссия, указав, что это противоречит «Положению» от 1863 г., согласно которому все находки должны направляться непосредственно в ее адрес и распределяться по музеям не иначе, как на основании высочайших указаний. В этой связи по просьбе Тамбовской комиссии Археологический институт

издал циркулярное распоряжение для ГУАК от 11 января 1887 г. о порядке предоставления археологических находок. При этом институт руководствовался убеждением, что чем скорее находки дойдут до Археологической комиссии, минуя различные передаточные инстанции, и чем быстрее и щедрее будут вознаграждены их сдатчики, тем более обеспеченной будет судьба дальнейших находок. В свою очередь Археологическая комиссия обратилась к членам ГУАК с выражением признательности за содействие в отношении охраны и исследования древностей и выразила готовность ходатайствовать перед императором о пополнении музея в Тамбове теми находками, которые будут присылаться в ее адрес.

С завершением строительства помещения комиссии в 1887 г. музейные коллекции нашли пристанище в одной из принадлежавших ей комнат. Первым хранителем музея стал П.И.Пискарев, наблюдение за порядком и сохранностью предметов было поручено С.К.Платоновой. Уже первый год существования музея ознаменовался значительными вкладами. Так, от Л.В.Вышеславцева поступило 40 предметов из Лядинского могильника, от С.К.Платоновой — коллекция из 49 экземпляров старинных крестов и складней, от священника В.С.Викторова — 21 предмет церковных древностей, от купца А.И.Зотова — железная кольчуга, найденная в Козлове.⁸⁵ Управление государственными имуществами передало в дар собрание образцов почв губернии, а Мельгуновское волостное правление прислало в музей выпавшую близ с. Политова в имении саратовского вице-губернатора каменную бабу. В 1888 г. различные лица продолжали жертвовать музею предметы старины. Так, О.И.Галактионова прислала железный меч, найденный в с. Саюкине Тамбовского уезда, Кожевникова — кремневое долото из Борисоглебского уезда, учитель Громовского сельского училища Моршанского уезда — бивень мамонта. В 1890 г. П.П.Коломнин принес музею в дар нумизматическую коллекцию, включавшую в себя 270 серебряных и медных монет отечественного, западноевропейского и азиатского происхождения. П.А.Дьяконов составил их описание,⁸⁶ однако оно было признано его коллегами недостаточно квалифицированным. Поэтому было решено воспользоваться помощью председателя Московского нумизматического общества В.К.Трутовского, предложившего свои услуги по описанию. Коллекция была выслана в Москву, после чего комиссия в течение трех лет делала запросы о ее судьбе. Отчеты ГУАК этих лет фиксируют отсутствие как описи, так и самих монет. В 1911 г. тамбовский паломник К.А.Патин по возвращении из путешествия по Ближнему Востоку передал музею коллекцию собранных им в Палестине, Греции и Италии церковных древностей, минералов, ботанических экспонатов. В числе жертвователей были и члены комиссии, среди них — В.А.Разумов, А.А.Щеголев, И.Блинов, Р.П.Ситовский и др.

Немало предметов археологического значения поступало от уездных исправников, с которыми комиссия поддерживала устойчивую связь. Так, в 1889 и 1890 гг. от моршанского исправника поступили клады из 220 серебряных монет XVI в. и 41 серебряной монеты середины XVIII в., в 1901 г.

кирсановский исправник прислал кости мамонта.⁸⁷ В 1912 г. липецкий уездный исправник сообщил о находке камня со старинными надписями и изображениями, обнаруженного в с. Кузьминские Отвержки Липецкого уезда. В том же году от Тамбовского уездного полицейского управления поступили старинные монеты в количестве 112 штук, в 1913 г. — клад монет и рог доисторического животного от полицейского надзирателя с. Рассказова и кирсановского уездного исправника.

Губернский музей пополнялся также экспонатами, поступающими из центральных научных обществ. Так, неоднократно присылала в адрес ГУАК археологические находки и нумизматические коллекции Археологическая комиссия. В 1890 г. поступила часть серебряных, бронзовых и железных предметов из Томниковского могильника, в 1892 г. — 58 серебряных копеек из клада, найденного в с. Шаморги Шацкого уезда, в 1893 г. — серебряный шейный обруч из числа 37 предметов, обнаруженных в Чердынском уезде Пермской губернии, в 1900 г. — два медных браслета из могильника в Лебедянском уезде.⁸⁸ В 1892 г. губернский музей осмотрел председатель Археологической комиссии граф А.А.Бобринский, заявивший о своем желании оказать содействие его развитию. По возвращении в Петербург он прислал в дар комиссии большую коллекцию археологических находок из раскопок в Шацком уезде.

В то же время многим предметам музейного значения не суждено было пополнить собрания ГУАК из-за отсутствия у комиссии необходимых для их приобретения средств. Так, в 1901 г. Каликинского волостное правление Лебедянского уезда прислало отношение в адрес ГУАК с предложением приобрести случайно обнаруженную старинную чугунную вазу.⁸⁹ Это предложение было отклонено в связи с нехваткой денег.

Структура музея ГУАК включала в себя семь отделов: церковный, археологический, палеонтологический, нумизматический, бытовых предметов, рукописный, иллюстративный. В первом — археологическом — к 1889 г. насчитывалось 80 экспонатов. В их числе были 37 предметов из Лядинского могильника (железные топоры, молотки, наконечники стрел и копий, стрелы, удила, бронзовые и медные украшения), десять — из Ширингушского городища (каменные долота, наконечники стрел, половинки каменного молотка, два ядра). Кроме того, здесь же хранились обнаруженные на территории края остатки окаменелых растений и кости ископаемых животных, поступившая в 1884 г. каменная баба, а также многочисленные фрагменты керамики. Второй отдел — естествознания — включал в себя 92 экспоната, в том числе коллекции образцов почвы и древесины (поступившие из бывшей палаты государственных имуществ), анатомические препараты. В церковно-археологическом отделе были представлены 164 экспоната (старинные кресты, складни, образки, иконы, диски, резные изображения Христа). Художественный отдел являл собой собрание произведений живописи, гравюр и литографий в количестве 164 единиц. В основном это были портреты русских императоров и императриц, известных сановников, полководцев, деятелей искусства и литературы. В рукописном отделе хранились 73 письменных памятни-

ка: грамоты, указы, рескрипты, автографы известных деятелей. Наиболее древней была грамота боярина И.В.Шереметева в Кирилловский монастырь игумену Феокисту 1459 г. Здесь же находились грамоты царей Михаила Федоровича 1618 г., Алексея Михайловича 1654 г., Федора Алексеевича 1679 г., Ивана и Петра Алексеевичей 1694 г. и др. В 1911 г. рукописи музея были разобраны саратовским членом ТУАК А.А.Герасимовым. В отделе предметов старинного быта экспонировался 81 предмет: старинное оружие, изделия из фарфора и хрусталя, медальоны, резные трубки и табакерки, чернильницы, меховые женские костюмы. Последний отдел носил название «Модели» и представлял собой собрание 37 образцов сельскохозяйственных орудий (сеялки, бороны, плуги), а также предметов деревенского быта. В 1895 г. член комиссии Н.Н. фон-дер-Ховен указал на пробел в составе коллекций музея, заключавшийся в отсутствии в числе его экспозиций изделий местной фабрично-заводской и кустарной промышленности. Комиссия приняла решение о восполнении собраний соответствующими предметами.

К 1916 г. структура музея несколько изменилась. К этому времени он включал в себя следующие отделы: церковный (267 предметов), археологический (248), палеонтологический (105), нумизматический (256), бытовых предметов (292), рукописный (97), иллюстративный (100). Всего в музее хранилось 1270 экспонатов.⁹⁰ Наибольшую ценность представляли нумизматический отдел, в котором экспонировались коллекции древних русских и иностранных монет (в том числе серебряные монеты времен Киевской Руси и удельных княжеств), а также археологический, в котором были широко представлены предметы из древних могильников и городищ.

До начала 1890-х годов музей комиссии был закрыт для посетителей. Отчет за 1889 г. указывал, что главным препятствием к открытию музея для посещения публики является «бедность его внутренней обстановки». Отсутствие витрин и шкафов делало невозможным систематизацию экспонатов. Имели место также затруднения финансового характера, которые фиксируются отчетом комиссии за 1890 г.: «Хотя в настоящее время музей располагает достаточной коллекцией разных предметов и имеет обстановку, вполне приспособленную для посещения публики, тем не менее комиссия не находит удобным открыть в него доступ, так как весьма мало вероятно, чтобы сопряженные с его открытием расходы возместились платой с посетителей».⁹¹ Тем не менее с 1892 г. музей был открыт для бесплатного посещения в воскресные дни с сентября по май. Предложение П.И.Пискарева установить дежурство членов комиссии в праздничные дни поддержки не получило, ввиду незначительного количества посетителей (основной контингент посетителей составляли учащиеся гимназий и училищ). Посещаемость музея в среднем составляла 30-40 человек в день. В целом же, динамика его посещения представляла собой следующую картину: в 1894/1895 гг. музей посетили 2389 человек, в 1895/1896 гг. — 3813, 1896/1897 гг. — 3435, в 1897/1898 гг. — 1575, 1898/1899 гг. — 2117, в 1911 г. — 1500, в 1915 — 400.⁹²

С завершением строительства Нарышкинской читальни собрания музея из-за недостаточности площадей, бывших в распоряжении комиссии,

в 1893 г. были переданы в ведение Общества по устройству народных чтений. Переездом в новое просторное помещение и его, по словам отчета, «роскошным обзаведением» комиссия была обязана председателю комитета музея, почетному члену ТУАК Э.Д.Нарышкину. Залы и витрины в новом помещении оборудовал архитектор А.С.Четвериков.⁹³ Хранителем музея был назначен смотритель здания народных чтений Д.Е.Голубев. Однако вскоре выяснилось, что Общество не особенно заинтересовано в развитии музея. Отчет ТУАК за 1894 г. констатировал, что оно «не нашло для себя удобным хоть как-то проявить внимание к трудам архивной комиссии и не участвует в судьбе музея».⁹⁴ Более того, в 1900-х гг. правление Общества несколько раз обращалось к комиссии с просьбой вывезти музей из здания читальни ввиду необходимости расширить помещение для библиотеки. Между тем в адрес комиссии продолжали поступать различные предметы музейного характера, поэтому ТУАК приняла решение хранить их в помещении исторического архива вплоть до образования из них собраний с целью организации нового музея. Комиссия не могла выполнить просьбу правления из-за отсутствия места для коллекций в собственном помещении. В результате музей ТУАК вплоть до революции оставался в здании Нарышкинской читальни. Все это время его положение было достаточно стесненным. Так, отчет комиссии за 1912 г. констатировал: «С увеличением поступления в музей новых предметов, помещение его становится тесным, и комиссия ждет благоприятного времени, когда она получит возможность перенести свой музей в другое более удобное для него здание».⁹⁵ Из-за отсутствия должного контроля имели место случаи хищения экспонатов. В 1907 г., к примеру, из витрин пропал ряд представлявших нумизматическую ценность монет. С целью обеспечения сохранности экспонатов комиссия приняла предложение нового (с 1904 г.) заведующего музеем А.И.Самоевцова открывать музей не чаще одного раза в месяц.⁹⁶

В количественном отношении музей ТУАК был не особенно велик. В 1910 г. его собрания без учета произведений живописи включали в себя 663 предмета. Однако это во многом искупалось качественной стороной коллекций, в составе которых были предметы, представлявшие немалый научный интерес. В отчете за 1914 г. А.Н.Норцов в число наиболее ценных коллекций и экспонатов музея включил предметы каменного, бронзового и железного веков из Лядинского, Кошибеевского и Томниковского могильников, Ширингушского городища; найденных в Лебедянском и Тамбовском уездах каменных баб; обнаруженные близ Тамбова и Козлова железные кольчуги, мисюрки и мечи; старинное оружие; меховые и мордовские женские и девичьи костюмы; старинные кресты, складни, старообрядческие венчики, резные изображения Христа; древнерусские монеты; столбцы и жалованные грамоты XVII в., рукописи конца XV — XVII вв.⁹⁷ В опубликованной на страницах газеты «Тамбовский край» заметке, посвященной музею комиссии, наиболее ценным его отделом назван нумизматический, хранивший в числе прочих серебряные монеты времен Киевской Руси.⁹⁸

Некоторые из хранившихся в музее памятников становились предметом специальных исследований тамбовских историков. Так, А.Н.Норцов

предпринял изучение двух каменных баб, одна из которых была найдена в начале XIX в. в Козловском уезде, другая — выпажана в 1882 г. из кургана близ с. Политова Тамбовского уезда.⁹⁹ Вопрос о происхождении подобных изваяний считался в то время одним из наиболее, по определению Н.Е.Бранденбурга, «темных и спорных вопросов» отечественной археологии¹⁰⁰ и в силу этого находил у исследователей различное решение. Одни приписывали принадлежность каменных баб гуннам (граф А.С.Уваров), другие — татаро-монгольским племенам (Д.И.Багалея), третьи — скифам (Каратышский), четвертые — различным народам (А.В.Терещенко). Неоднократно этот спорный вопрос поднимался на археологических съездах.¹⁰¹ Норцов попытался внести свой вклад в решение данной проблемы. Для выяснения происхождения каменных фигур он привлек различные теории отечественных и зарубежных ученых, объясняющие их возникновение и назначение. Особенно подробно он остановился на результатах раскопок Е.П.Трефилева в Харьковской губернии и Н.И.Веселовского на Кубани. Доклады о них были представлены на Харьковском археологическом съезде в 1902 г.¹⁰² На основе раскопок курганов исследователи пришли к выводу о принадлежности каменных изваяний тюркским племенам. Относительно их назначения было сделано предположение о том, что они являлись надгробными памятниками, которым поклонялись как изображениям умерших родственников. Норцов привел немногочисленные случаи находок каменных баб в Тамбовской губернии и предположил, что на самом деле подобных памятников здесь было значительно больше, так как Тамбовщина являлась территорией, через которую двигались многие кочевые народы. Основываясь на заключениях Н.И.Веселовского и Е.П.Трефилева, Норцов пришел к выводу о принадлежности тамбовских каменных изваяний тюркским кочевникам. Однако определить их назначение он не решился, отметив, что это возможно лишь после раскопок курганов в местах их нахождения.

Небольшое исследование А.Н.Норцов написал в поисках ответа на просьбу В.В.Воейкова объяснить происхождение переданной им в музей ТУАК бронзовой фигурки Будды, обнаруженной в с. Стежки Козловского уезда в 1900 г. при раскопках крестьянской усадьбы.¹⁰³ Указав, что он не является специалистом в области буддизма, Норцов не смог ответить с точностью на вопрос о происхождении фигурки и лишь высказал вслед за Н.И.Веселовским¹⁰⁴ предположение о возможной принадлежности подобных памятников к культуре калмыцкого ламаизма. Свою версию тамбовский историк основывал на имевших место случаях калмыцких набегов на территорию края в XVII-XVIII вв. Для более точного выяснения происхождения памятника его фотография была послана в адрес английского Королевского Азиатского общества, членом которого являлся председатель ТУАК. Фотоснимок поставил английских ориенталистов в тупик. В своем ответе секретарь общества сообщил комиссии, что ни он сам, ни его коллеги не могут дать объяснение происхождению памятника, ибо никогда не встречались с подобным изображением Будды. Не прояснил данного вопроса и сделанный Норцовым запрос в адрес берлинского профессора А.Грюнведеля.

Большое значение комиссия придавала систематизации и описанию музейных предметов. Всего за время существования музея ТУАК было издано три его каталога, подготовленных П.А.Дьяконовым и А.И.Самоцветовым в 1889, 1895 и 1916 гг.¹⁰⁵ Каталоги содержат ряд ценных сведений относительно музейных экспонатов (указания на дату поступления, имена жертвователей, исторические справки о случайных находках) и позволяют проследить процесс комплектования музейных собраний ТУАК.

3. Деятельность комиссии в области охраны памятников старины

В конце XIX — начале XX вв. памятники русской старины находились в ведении многочисленных государственных органов и учреждений. Их судьба, остававшаяся за пределами официального законодательства, определялась различными, зачастую противоречившими друг другу, правилами и инструкциями. Деятельность ведомств в отношении памятников старины не координировалась каким-либо центральным органом, следствием чего являлась их бесконтрольность и параллелизм в действиях. Неспособность правительственных кругов разрешить проблему в законодательном порядке заставила взяться за ее решение научную общественность. После проведения I археологического съезда (1869 г.), обсудившего в числе прочих вопрос об охране памятников старины, при Московском археологическом обществе была создана Комиссия по сохранению древних памятников.¹⁰⁶ Ко II археологическому съезду (1871 г.) был подготовлен проект «Положения об охране памятников старины», в разработке которого приняли участие видные отечественные историки и археологи — С.М.Соловьев, К.Н.Бестужев-Рюмин, граф А.С.Уваров и др. Проект предусматривал выявление всех сохранившихся объектов старины и составление единого свода памятников специальной комиссией из представителей Академии наук, Академии художеств и различных научных исторических обществ.¹⁰⁷ Направленный в министерство народного просвещения проект находился некоторое время без движения и в конце концов был похоронен в недрах ведомства.

Спустя некоторое время, в 1876 г., при министерстве народного просвещения была учреждена Особая комиссия для обсуждения предложений о мерах к охранению памятников старины под руководством статс-секретаря А.Б.Лобанова-Ростовского. Комиссия подготовила «Проект правил о сохранении исторических памятников», в котором впервые определялись категории памятников, подлежащие охране государства, и предлагалось создание императорской Комиссии для общего руководства работами. В целях «ближайшего исследования памятников и наблюдения за их целостью» предполагалось организовать археологические округа в составе нескольких губерний во главе с университетским центром. Тамбовская губерния в числе пяти соседних (Казанской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской, Пензенской) должна была войти в Казанский археологический округ.¹⁰⁸ Однако министерство финансов отказалось отпустить средства на проекта, отложив его реализацию до более благоприятного времени.

В последующие годы вопрос о принятии мер к охране памятников старины поднимался в официальном порядке неоднократно. Так, в 1887 г. министр народного просвещения И.Д.Делянов обратился в Комитет министров с просьбой о подтверждении принятых ранее указов об охране церковных древностей. В 1889 г. Александр III издал указ о запрещении производства раскопок и реставрации памятников древности без согласования с Археологической комиссией и Академией художеств.¹⁰⁹ В 1898 г. председатель Археологической комиссии граф А.А.Бобринский выступил с предложением создать при министерстве внутренних дел комиссию для разработки положения об охране памятников старины из числа представителей заинтересованных ведомств и историко-археологических обществ, а также организовать при губернских статистических комитетах отделения по составлению свода памятников.¹¹⁰

Таким образом, к моменту создания и в первые годы деятельности ГУАК проблема сохранности отечественных древностей активно обсуждалась на самых разных уровнях. Однако, несмотря на многочисленные предложения, вопрос так и не был решен в законодательном порядке. В силу этого «Положение» 1884 г. включало в круг обязанностей ГУАК «разыскание, описание и объяснение» различных вещественных памятников прошлого. Деятельность комиссий в данной области осуществлялась в трех основных направлениях: выявление, исследование и описание памятников; обсуждение поступающих в комиссии проектов их ремонта и реставрации; принятие возможных мер к охране от порчи или уничтожения. Оценивая результаты этой деятельности в связи с двадцатипятилетием со дня основания ГУАК, директор Археологического института Н.В.Покровский в своей речи указал, что они вполне справились с задачей «служить готовыми проводниками древлеведения в общественном сознании и надежными органами охраны памятников, не в смысле полноты внешней власти, но в смысле объединения местных сил в указанном направлении и изучении старины».¹¹¹ В целях содействия развитию данного направления министерство внутренних дел по ходатайству Археологического института издало циркулярное распоряжение от 16 июня 1886 г., согласно которому в ГУАК должны были представляться списки предназначенных на продажу с торгов и аукционов предметов историко-археологического значения.¹¹² В нем также были перечислены основные категории подлежащих передаче в комиссии предметов. 5 июля 1887 г. МВД приняло циркуляр о порядке действий ГУАК после получения подобных списков.

В связи с тем, что деятельность комиссий по охране памятников старины протекала в основном в русле церковной археологии, ее решающим условием являлась координация действий провинциальных исторических обществ с епархиальным начальством. Уже в декабре 1885 г. ГУАК обратилась к руководству епархии с ходатайством о недопущении уничтожения предметов церковной старины и перестройки памятников церковной архитектуры без согласования с нею.¹¹³ Случаи проявления некомпетентности в данной области были достаточно распространенным явлением в губернии. «Древние храмы, — писал А.Н.Норцов, — обезобра-

живаются переделкой и невежественной реставрацией, памятники старины нередко «за ветхостью» совершенно уничтожаются, а их составные части растаскиваются и служат для постройки других зданий; лики икон древнего письма замазываются богомазами новой масляной краской; старинные серебряные басменные оклады у древних икон заменяются новыми ризами, а самые церковные вещи часто продаются для переливки в слитки».¹¹⁴ Подобное положение заставило комиссию, не дожидаясь ответа, приступить к сбору сведений об имеющихся в губернии древностях. В августе 1885 г. священник А.Л.Лебедев и бывший преподаватель Козловской гимназии Ф.П.Пацюков обследовали церковь в с. Громушки Козловского уезда и обнаружили в ней более двух десятков старинных икон и предметов церковной старины, а также рукописное евангелие начала XV в. На основе полученных сведений они пришли к заключению, что иконы в прошлом являлись частью иконостаса московского Успенского собора или одной из церквей Троице-Сергиевой лавры. Определив несомненную художественную и историческую ценность икон, комиссия поставила вопрос о принятии мер к их сохранности. Впоследствии ГУАК дважды возвращалась к вопросу об охране памятников церковной археологии в с. Громушки: в 1904 г. в связи с предполагавшимся упразднением церкви и в 1910 г., когда был произведен осмотр, описание и фотографирование старинного храма и находившихся в нем предметов. На заседании 19 августа 1885 г. В.В.Соловский, посвятивший свое выступление описанию памятников Липецка, предложил силами комиссии составить общий список всех губернских памятников старины.

Между тем решение вопроса о согласовании действий тамбовских историков и епархии в области охраны церковных древностей затягивалось. В этой связи в декабре 1887 г. комиссия была вынуждена возобновить свое ходатайство. В послании, направленном на имя тамбовского епископа, говорилось: «До настоящего времени множество предметов старинной церковной утвари, не имеющих уже никакой материальной ценности и за ветхостью изъятых из употребления при богослужениях, но в то же время представляющих высокое художественно-историческое значение, будучи рассеяны по ризницам монастырей и приходских церквей, остаются недоступными для ученых исследований, и сосредоточение их в таком месте, где они могли бы быть доступны для исследователей, представляется в интересах церковной археологической науки, делом первостепенной важности».¹¹⁵ Комиссия предложила вменить в обязанность настоятелям монастырей и священникам приходских церквей отсылать подобные предметы в ее адрес. Выступив с таким предложением, ГУАК руководствовалась уже имевшими место в Тверской и Рязанской губерниях прецедентами. Местные комиссии добились разрешения передачи в губернские музеи представлявших исторический и художественный интерес церковных древностей. Более того, по просьбе Рязанской комиссии архиепископ Феоктист в 1886 г. распорядился производить реставрацию икон и ремонт церковных зданий, выстроенных до середины XVIII в., только после согласования с ее членами. В 1888 г. подобная договоренность была достигнута Нижегородской комиссией. В Тамбовской

губернии ситуация осложнилась из-за позиции местного церковного начальства.

В конце 1890 г. И.И.Дубасов вновь поднял вопрос о привлечении комиссии к соответствующей экспертизе, подчеркнув, что вследствие применяемой в губернии практики ремонта старинных церквей «бесследно пропадает их археологическая ценность».¹¹⁶ Однако, не получив официальной поддержки епархиального руководства, комиссия была вынуждена ограничить свою деятельность в области охраны памятников старины их выявлением и описанием. С этой целью в 1886 г. ее сотрудники совершили ряд поездок в Козловский, Лебедянский и Елатомский уезды. Так, преподаватель Тамбовской гимназии В.В.Соловский осмотрел Козловский Троицкий монастырь и выяснил, что при ремонте монастырского храма были заменены старинный иконостас и настенная живопись. В докладе на заседании комиссии он выразил опасение, что при реставрации икон и фресок могла быть утрачена их художественная ценность, и поставил вопрос о недопущении впредь подобных случаев. А.И.Сатин посетил Лебедянский Троицкий монастырь и выступил с предложением принять участие в начатом архимандритом Полиевктом в соответствии с программой Академией художеств описании хранившихся здесь предметов старины.¹¹⁷ М.Г.Розанов осмотрел мужской монастырь Рождества Богородицы в Елатье и описал хранившуюся в нем церковную утварь начала XVIII в. В 1887 г. священник с. Хрущовка, пригородной слободы бывшего города Романова Липецкого уезда, Д.Поспелов прислал в комиссию описание напрестольного креста и каменной плиты XVII в. из Михаило-Архангельской церкви.¹¹⁸ В 1896-1897 гг. Б.Г.Фиксен по результатам визуального обследования составил список памятников церковной архитектуры губернии, нуждающихся в охране государства.¹¹⁹ В него был включен ряд монастырей и церквей XVI-XVII вв.: тамбовские Казанский мужской и Вознесенский женский, Лебедянский Троицкий, Шацкий Чернеев, Темниковский Санаксарский, Козловский Ильинский, Добринский Вознесенский, Тихвинский монастыри; Вышенская, Петропавловская, Добринская, Преображенская, Красногорская пустыни; церкви Николаевская в Шацке, Никольская в с. Малое Пичаево, Богоявленская в с. Хлыстове, Космодемьянская в с. Токмакове, Архангельская в с. Сселки. В 1901 г. Фиксен опубликовал описание Спасо-Преображенского кафедрального собора и находившихся в нем памятников, дав заключение по поводу их историко-художественной ценности.¹²⁰ Старинным храмам Лебедяни посвятил свою статью П.Н.Черменский, исследовавший выстроенные в XVII в. церкви Рождества Богородицы и Покровскую, а также церкви Троицкого монастыря. Он составил список и описание хранившихся в монастыре старинных предметов.¹²¹ Значительная работа была проделана членами комиссии в связи с описанием на основе писцовых и переписных книг церквей и монастырей Козловского уезда.¹²²

С приходом в комиссию А.Н.Норцова ее деятельность в области выявления и охраны памятников старины получила новый импульс. Активизация работы ГУАК в данной области стала предметом особой заботы нового председателя. «Время не ждет, — заявил он в одной из первых сво-

их речей на заседании 11 декабря 1900 г., — памятники старины разрушаются и нам нельзя дожидаться, пока их совсем не будет. Нам необходимо действовать скоро и решительно».¹²³ В этих целях была сформирована специальная подкомиссия во главе с Норцовым, в которую вошли Б.Г.Фиксен, Н.И.Орлов, А.И.Самоцветов, Ф.С.Соколов, П.П.Сушинский, А.А.Щеголев, Д.Е.Голубев. В начале января 1901 г. был утвержден разработанный председателем план, предполагавший тщательное обследование предназначенных к реставрации объектов, как визуальным путем, так и при помощи анкетирования. Значительным успехом комиссии стала договоренность, достигнутая ею с епископом Тамбовским и Шацким Георгием. Епископ предоставил ГУАК право выполнять функции местного археологического общества по отношению к памятникам церковной старины и обязал настоятелей монастырей присылать в ее адрес архитектурные планы церковных зданий, а также сведения об объемах предполагавшихся работ не позднее чем за год до начала реставрации. В соответствии с распоряжением епископа комиссия получила в конце 1900 г. уведомление о готовящемся ремонте Ильинской церкви Лебедянского Троицкого монастыря. Это стало первым официальным приглашением ГУАК к сотрудничеству со стороны Тамбовской епархии. Между тем полномочия ученых архивных комиссий в данной области были достаточно неопределенны и ни в какой форме не фиксировались действовавшими установлениями. Во избежание недоразумений А.Н.Норцов обратился за разъяснениями о границах компетенции местных историков в вышестоящие инстанции. В письме от 18 января 1901 г. на имя директора Археологического института Н.В.Покровского он известил его о решимости комиссии действовать безотлагательно, с тем чтобы «сохранить хотя бы что-нибудь из остатков старины, и тем не навлечь на себя впоследствии справедливых нареканий в равнодушном отношении к этому очень важному вопросу».¹²⁴ Такое же письмо, в котором определялся характер предполагавшихся мер, было направлено в адрес Археологической комиссии. Последняя приветствовала намерение тамбовских историков включить в круг своей деятельности вопросы охраны памятников старины и выразила готовность оказать им всемерное содействие. В то же время местное историческое общество было уведомлено о том, что разрешение на реставрацию памятников является исключительным правом Археологической комиссии, и постановления ГУАК на этот счет могут носить лишь рекомендательный характер.¹²⁵

В апреле 1901 г. А.Н.Норцов и заведующий архивом духовной консистории А.И.Самоцветов произвели осмотр Ильинской церкви Лебедянского Троицкого монастыря, принадлежавшей к числу древнейших в губернии памятников церковной архитектуры. Тамбовские историки полагали, что церковь была построена в середине XIV в., а в 1395 г. разорена Тамерланом. Результаты проделанной работы они обобщили в брошюре, в которой, помимо подробного описания наружного и внутреннего устройства церкви, прилагался ее чертеж и ряд фотоснимков.¹²⁶ В процессе изучения памятника исследователи пришли к выводу, что предполагавшийся ремонт первого этажа не представляет опасности для его

исторического облика и дали согласие на реставрацию. Данные о проделанной работе были направлены для заключения в Археологическую комиссию. На их основе член комиссии Г.И.Котов пришел к выводу, что церковь действительно была заложена в XIV в., а детали ее внешних украшений относятся ко второй половине XVII в.¹²⁷

В своей дальнейшей деятельности ТУАК продолжала уделять вопросам охраны церковно-археологических памятников самое пристальное внимание. Так, в мае 1901 г. ее члены консультировали духовную консисторию в связи с намечавшейся реконструкцией храма середины XVIII в. в с. Канишеве Моршанского уезда. В августе того же года А.Н.Норцов осмотрел и описал ряд памятников церковной архитектуры XVIII в., находившихся в северной части края: Преображенский собор и Троицкую церковь Темникова, Троицкий собор, Никольскую и Преображенскую церкви Кадома, церкви и соборы Санаксарского монастыря, Саровской пустыни и ряд других. Наряду с этим он составил описание и сделал фотоснимки представлявших исторический интерес предметов церковной утвари и икон.¹²⁸ В конце 1904 г. священник В.А.Разумов представил в комиссию описание примечательных в церковно-археологическом отношении предметов, хранившихся в ризнице церкви с. Ростоши Борисоглебского уезда.

В июне 1903 г. духовная консистория сообщила местным историкам о начавшейся реставрации Покровской церкви, о чем ТУАК в свою очередь уведомила Археологическую комиссию, препроводив в нее фотоснимки и чертежи церкви. В результате обследования церкви комиссия пришла к выводу о том, что существенной переделке подвергся не представлявший интереса иконостас, в то время как внешний вид здания был оставлен без изменений. В ряде других случаев комиссия была вынуждена не рекомендовать проведение намечавшихся реконструкций. Так, в 1909 г. А.И.Самоцветов обследовал состояние Успенской церкви Лебедянского Троицкого монастыря в связи с ее предполагавшимся расширением. На основании его заключения о возможной утрате исторического вида церкви в результате намеченной перестройки ТУАК вынесла решение о недопустимости ее проведения.

Объектами изучения комиссии становились не только памятники архитектуры, но и иконописные произведения. В 1910 г. были приняты меры к обеспечению сохранности старинной иконы св. Троицы, подаренной Лебедянскому монастырю царем Алексеем Михайловичем в 1665 г. Получив извещение о начавшейся реставрации иконы, комиссия настояла на прекращении работ, с тем чтобы иметь возможность изучить ее состояние. По поручению ТУАК А.И.Самоцветов произвел тщательное обследование иконы и предпринял поиск соответствующих сведений о ней в монастырском архиве. В результате комиссия приняла решение об отсрочке начала реставрации и приглашении квалифицированного специалиста из столицы. Два года спустя архивисты консультировали духовную консисторию по поводу предполагавшегося обновления резной оправы старинного иконостаса церкви в с. Никольском Спасского уезда.

Представляется заслуживающим внимания тот факт, что Тамбовская комиссия не только принимала участие в решении практических вопро-

сов, связанных с судьбой памятников старины, но и внесла посильный вклад в разработку законодательства об их охране. В 1901 г. в очередной раз в официальном порядке был поднят вопрос о необходимости принятия мер по защите историко-культурного достояния страны. В соответствии с предписанием министерства внутренних дел начался сбор сведений на местах о сохранившихся памятниках. Однако поступавшие вплоть до 1905 г. списки отличались неполнотой и случайностью сведений. Так, по Тамбовской губернии было зарегистрировано всего шесть старинных зданий и одиннадцать исторических памятников.¹²⁹ В 1904 г. при министерстве внутренних дел была создана Комиссия по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий, которая подготовила проект будущего закона. Вместе с перечнем нерешенных вопросов проект был направлен на заключение научно-исторических и археологических обществ, в том числе и ТУАК. В проекте выдвигалась идея создания археологических округов, определялись основные категории подлежащих защите государства памятников, предполагалось создание сети местных учреждений для выполнения функций охраны памятников во главе с центральным органом.¹³⁰ На заседании 21 сентября 1905 г. проект был обсужден членами Тамбовской комиссии, которые выработали ряд пожеланий и предложений, направленных в МВД.¹³¹ Прежде всего, они выразили несогласие с предложением включить Тамбовскую губернию в состав Казанского археологического округа и высказались за ее выделение в отдельный округ. Подобное предложение аргументировалось тем, что исторически различные части края тяготели к разным соседним территориям: северо-восточная часть — к регионам, включенным в Казанский округ, северо-западная и средняя — к рязанским землям, южная — к харьковским. Во-вторых, комиссия предложила законодательно зафиксировать деятельность по охране памятников старины как непрременную обязанность ТУАК. На вопрос о возможном изменении состава в случае официального предоставления им охранительных функций комиссия дала отрицательный ответ. Не усматривая в принципе такой необходимости, она пожелала оставить за собой право в случаях надобности избирать в районах, особо богатых памятниками, собственных «корреспондентов-консерваторов». В их обязанности должно было входить наблюдение за памятниками и представление в комиссию соответствующих отчетов. ТУАК считала возможным привлечение земских и городских учреждений к участию в расходах на охрану памятников. Вместе с тем комиссия настаивала на предоставлении охранительных функций исключительно местным научным обществам, оставляя, впрочем, за правительственными и общественными учреждениями право командировать своих представителей на заседания ТУАК. Вопрос о включении в законопроект положения об отчуждении за вознаграждение памятников старины, находящихся в частных руках, был решен комиссией в принципе положительно. Однако она предложила устанавливать в каждом отдельном случае соглашение, фиксирующее условия исследования и демонстрации памятника. В случае невозможности достижения соглашения о его купле-продаже комиссия предложила обязать владельцев извещать ТУАК о

предположительной реставрации или передаче памятника в собственность другого лица. И наконец, было выражено полное согласие с пунктом о принятии карательных мер за безвозвратный вывоз предметов старины за границу или их разрушение, а также установлении в законодательном порядке ответственности властей за сохранность находящихся в их ведении памятников. Таким образом, предложения тамбовских историков были направлены на расширение прав ГУАК в области охраны памятников на местах и предоставление им больших по сравнению с существовавшими полномочий в этой сфере. Подобная позиция была поддержана большинством центральных научно-исторических обществ. Московское археологическое общество, например, высказалось против создания новых губернских органов для заведования охраной памятников, ввиду недостатка «ученых и художественно развитых людей» на местах, и предложило полностью передать его в ведение архивных комиссий.¹³² К сожалению, данный проект закона, как и последующие его варианты, многократно дорабатывавшиеся согласно решениям Государственной думы, так и не были доведены до стадии утверждения.

В начале 1910-х годов деятельность Тамбовской комиссии в области охраны памятников старины значительно осложнилась в связи с позицией нового владыки — епископа Кирилла. Несмотря на свое почетное членство в ГУАК, он не считал возможным распространять ее компетенцию на вопросы охраны церковных древностей. Особенно наглядно позиция епископа проявилась в связи с началом ремонта в 1913 г. главного собора епархии — Спасо-Преображенского. Проект его реставрации был утвержден Археологической комиссией в 1904 г., и тогда же местной ученой комиссией было поручено осуществлять наблюдение за ходом ремонтных работ. Однако в 1913 г. ГУАК не только не получила плана реконструкции, но даже не была поставлена в известность о ее начале. В ответ на недоуменное письмо А.Н.Норцова епископ заявил, что во вверенной ему епархии наблюдением за сохранностью церковных памятников занимается «собственное компетентное учреждение в виде епархиального церковно-археологического комитета, которое в опеке у ученой архивной комиссии не состоит».¹³³

Таким образом, ГУАК была фактически отстранена от любых видов деятельности, связанных с вопросами охраны церковно-исторических памятников. В этой связи она переключила свое внимание на выявление и описание памятников гражданской старины.¹³⁴ Особый размах деятельность в данном направлении приобрела в связи с подготовкой к трехсотлетию юбилею дома Романовых. Известно, что Тамбовский край исторически связан с началом династии. В 1574 г. боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев был назначен начальником сторожевой и станичной службы в мещерских землях. Его сыновья Александр и Василий Никитичи в 1601 г. получили во владение лебедянские земли. После их смерти владельцем вотчин стал дядя царя Михаила Федоровича Иван Никитич Романов. Центром вотчины являлся Романов, датой основания которого считался 1611 г., хотя некоторые тамбовские историки полагали, что его историю следует вести с более раннего времени. Впоследствии, в 1654 г., город перешел в вотчин-

ную собственность царя Алексея Михайловича. Другая часть территории края — Верхоценская волость — была связана с именем матери Михаила Федоровича — Марфы Ивановны, ставшей ее владелицей. Вследствие тесной исторической связи края с фамилией Романовых местные историки сочли своим прямым долгом начать сбор сведений об уцелевших памятниках начального периода династии. С этой целью в бывший город Романов была командирована специальная экспедиция. К сожалению, обнаружить удалось немного: малочисленные сохранившиеся памятники, в том числе евангелие первой половины XVII в., уже были переданы по ходатайству члена комиссии М.П.Трунова в основанный им музей Петровского общества (Липецк). Выяснилось также, что на месте нахождения боярского дома в свое время была возведена памятная часовня, впоследствии разрушенная. В ознаменование юбилея комиссия постановлением общего собрания от 12 июля 1912 г. решила восстановить памятник. Руководство строительством сооружения осуществляли члены комиссии — губернский архитектор Ф.О.Чеботаревич и липецкий земский техник В.М.Романович. Вопросами поставок строительных материалов занимался принятый в ряды ГУАК земский начальник Липецкого уезда Ю.А.Александровский. Строительство осуществлялось на собранные по подписке пожертвования. Наиболее крупные вклады были сделаны Липецкой земской управой, статс-дамой А.Н.Нарышкиной, А.Н.Норцовым, Романовским сельским обществом и членом комиссии липецким дворянином В.А.Перележко-Галичем. 22 октября 1913 г. при большом стечении народа состоялось освящение часовни, а спустя два дня в адрес комиссии поступила телеграмма с выражением благодарности от лица императора. Не имея возможности осуществлять непосредственное наблюдение за сохранностью часовни, ГУАК в мае 1914 г. приняла решение о передаче ее в ведение местного духовенства. Однако причт с Романова отказался от этого предложения, сославшись на отсутствие средств, необходимых для страхования памятника и его охраны. В результате часовня осталась в ведении комиссии, поручившей наблюдение за ней своему члену местному лесоторговцу А.С.Котельникову, принимавшему активное участие в ее возведении.

Итак, можно констатировать, что на протяжении своей истории Тамбовская архивная комиссия обнаруживала явное стремление к изучению и популяризации памятников материальной культуры края. С этой целью она предпринимала его исследование в археологическом отношении, проявляла заботу об обеспечении сохранности объектов историко-культурного наследия, знакомила с ним на базе собраний своего музея городское население. Однако в то же время деятельность ГУАК в данном направлении не была достаточно эффективной. Недостаток археологических знаний и навыков остро ощущался сотрудниками комиссии. Предпринимавшие ими меры для повышения своей квалификации оказывались слишком непоследовательными для того, чтобы дать ощутимые результаты. Отсутствие специальной подготовки неизбежно сказывалось на объеме и качестве проводившихся комиссией изысканий.

Другой причиной недостаточного развития археологического направления деятельности ГУАК являлась хроническая нехватка денежных

средств. Вследствие того, что такие дорогостоящие виды археологических работ, как раскопки, осуществлялись за счет личных сбережений ее членов, комиссия была вынуждена ограничиваться проведением археологических разведок. Все это стало причиной того, что Тамбовская комиссия по масштабам археологических исследований значительно отставала от других ГУАК, не говоря уже о таких признанных лидерах в этой области, как Рязанская и Таврическая комиссии. В свою очередь, недостаточное развитие данного направления отразилось на количественной стороне сформировавшегося ГУАК губернского музея. Его коллекции насчитывали к 1917 г. немногим более тысячи экспонатов, в то время как собрания Воронежской и Ярославской комиссий — более 12 тысяч, а Тверской — 13 тысяч предметов.¹³⁵ Комплектовался музей ГУАК в основном за счет случайных археологических находок и частных пожертвований.

Подводя итоги деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии в сфере охраны памятников старины, следует признать ее определенный вклад в дело сохранения прежде всего церковно-археологических древностей края. При этом необходимо иметь в виду, что в силу неопределенности своего правового статуса и отсутствия законодательства в области охраны памятников, ей приходилось работать в условиях полной зависимости от воли местной церковной и светской администраций, далеко не всегда идущих навстречу задачам научно-исторического общества. Есть все основания полагать, что в противном случае результаты ее деятельности в данном направлении были бы весомее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Норцов А.Н.* Губернские ученые архивные комиссии и их значение // ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.49.

² См.: *Митрофанов Н.Н.* В.Г.Короленко и Нижегородская архивная комиссия // Труды МГИАИ. М., 1961. Т.16. С.287.

³ ИТУАК. Вып.42. С.2.

⁴ *Спицын А.А.* Саратовские древности // Труды Саратовской архивной комиссии. Саратов, 1912. Вып.29. Прил.1-7. С.1-2.

⁵ Журналы 91-102 заседаний Тамбовской ученой архивной комиссии (сентябрь 1901 — июль 1902 г.) и отчет о деятельности комиссии за 1901 г. Тамбов, 1902. С.1.

⁶ ИТУАК. Вып.4. С.3.

⁷ ИТУАК. Вып.13. С.2.

⁸ Там же. С.64.

⁹ См.: *Антонович В.Б., Ивановский Л.К., Самоквасов Д.Я.* Инструкция для описания городищ, курганов, пещер и для производства раскопок курганов // Труды Третьего Археологического съезда в Киеве. 1874. Киев, 1878. Т.1. С.ЛXIX-LXXII; *Самоквасов Д.Я.* Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878; *Спицын А.А.* Производство археологических раскопок. СПб., 1895.

¹⁰ См.: *Спицын А.А.* Производство археологических раскопок. СПб., 1910; Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1908 г. М., 1911. Т.III. С.91-110.

¹¹ См.: *Шавелев С.П.* Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я.Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. [Вып.1]. С.25-50.

¹² См.: Отчет о деятельности Тверской губернской ученой архивной комиссии с 1903 г. по 1912 г. Тверь, 1915. С.42.

¹³ *Покровский Н.В.* Губернские ученые архивные комиссии. СПб., 1908. С.37.

¹⁴ См.: *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С.287-288.

¹⁵ ОР РНБ. Ф.874. Оп.1. Д.15. Л.69 об.

¹⁶ Некоторые тамбовские историки вели отчет истории Елатьмы с XIV в. К примеру, Г.В.Хитров считал датой основания Елатьмы 1381 г. (См.: *Хитров Г.В.* Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С.41).

¹⁷ ИТУАК. Вып.54. С.66.

¹⁸ *Сатин А.И.* Из археологии г. Лебедяни // ИТУАК. Вып.13. С.61-65.

¹⁹ *Николаевский М.Ф.* Народное предание о Паньковском городище Шацкого уезда // ИТУАК. Вып.45. С.59-63.

²⁰ *Дубасов И.И.* Об Онезе на Воронеже // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т.III. С.319-320.

²¹ *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. М.-Л., 1964. С.231; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн.II. С.332.

²² *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества // *Иловайский Д.И.* Соч. М., 1884. Т.1. С.84.

²³ *Погодин М.П.* Исследования, заметки и лекции о русской истории. М., 1850. Т.IV. С.255.

²⁴ *Березнеговский С.А.* Где находилась Онуза, в которой остановился станом Батый при походе на Рязанское княжество в 1237 г.? // ИТУАК. Вып.55. С.225-233.

²⁵ *Падучев П.П.* О Тамбовской старине. Тамбов, 1894. С.8.

²⁶ См.: ИТУАК. Вып.30. С.5.

Спор о местонахождении Онузы не окончен до сего дня. Среди современных исследователей версию С.А.Березнеговского и И.И.Дубасова отчасти разделяет В.В.Каргалов, предполагающий местонахождение Онузы между реками Лесной и Польной Воронеж, однако считающий ее не мордовским городом, а русским сторожевым постом (См.: *Каргалов В.В.* Конец Ордынского ига. М., 1985. С.5-8). Тамбовская исследовательница Л.И.Чуистова всецело полагалась на авторитет И.И.Дубасова и считала Онузу мордовским селением близ Козлова (См.: *Чуистова Л.И.* Древнейшее население Тамбовщины. Тамбов, 1982. С.88). П.Н.Черменский помешал русским, по его мнению, город Онузу на р. Узля — приток р. Челновой (См.: *Черменский П.Н.* Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961. С.189). В 1993 г. тамбовские археологи, следуя этому предположению, обследовали данную местность, однако русских памятников XIII в. не обнаружили. На этом основании они пришли к выводу о возможном нахождении Онузы в верховьях р. Польной Воронеж и водораздела рек Челновой и Польного Воронежа (См.: *Моисеев Н.Б., Раевский А.И.* К вопросу о местонахождении летописной Онузы // Краевед земли Тамбовской. Тамбов, 1995. С.54-55). Авторы последней по времени появления версии В.П.Челяпов и В.В.Судаков считают, что Нузда (Нухля) (область) располагалась в низовьях р. Нузлы (современная Цна), а город Нузля (Онуза, Нухля) может быть сопоставим с Темгеневским городищем (*Челяпов В.П., Судаков В.В.* Новые данные о локализации летописной Нузлы (Онузы) // Труды Рязанского исторического общества. Рязань, 1997. Вып.1. С.27-44).

²⁷ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.19. Л.1.

²⁸ Там же. Д.32. Л.1-61; Д.33. Л.4-6; Д.34. Л.1-3; Д.35. Л.1-10; Д.36. Л.10,16; Д.37; Д.38. Л.2-7; Д.39. Л.4-6; Д.40. Л.1-57; Д.41.

²⁹ *Норцов А.Н.* Тамбовская и Козловская сторожевая черта // ИТУАК. Вып.44. С.153.

³⁰ *Рор А.А.* О вале Козловского уезда между с. Бельским и Мановицами // ИТУАК. Вып.44. С.159-162.

³¹ *Норцов А.Н.* Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г. // ИТУАК. Вып.46. С.1-47.

³² РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1912 г. Д.243. Л.1.

³³ См.: ИТУАК. Вып.45. С.9.

³⁴ Исследовавшая археологическую деятельность ряда ГУАК Т.О.Размустова полагает подобное разделение в принципе неверным, считая, что наличие незначительного числа памятников в той или иной местности объясняется скорее их неизученностью, чем действительным отсутствием (См.: *Размустова Т.О.* Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990. С.94). Однако при этом необходимо иметь в виду, что, составляя программу археологических исследований, А.Н.Норцов исходил не столько из возможностей новых открытий, сколько ориентировался на изучение уже известных, но еще не исследованных и неумолимо разрушавшихся археологических объектов.

³⁵ Отчет имп. Археологической комиссии за 1889 г. СПб., 1892. С.3.

³⁶ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1901 г. Д.16. Л.3.

³⁷ ЦИАМ. Ф.454. Оп.2. Д.243. Л.2 об.

³⁸ РА ИИМК РАН. Ф.1. 1869 г. Д.20. Л.33.

³⁹ См.: *Чуистова Л.И.* Указ. соч., С.63.

⁴⁰ *Ястребов В.Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // Материалы по археологии России / Изд. имп. Археологической комиссией. СПб., 1893. С.55.

⁴¹ Отчет имп. Археологической комиссии за 1892 г. СПб., 1894. С.51.

⁴² ИТУАК. Вып.25. С.5.

⁴³ *Пискарев П.И.* О раскопках Лядинского могильника по поручению Тамбовской архивной комиссии и ее музея // ИТУАК. Вып.25. Прил.2. С.5-8.

⁴⁴ *Спицын А.А.* Древности рек Оки и Камы. СПб., 1901. С.55.

⁴⁵ Отчет имп. Археологической комиссии за 1895 г. СПб., 1897. С.35.

⁴⁶ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1902 г. Д.91. Л.8-10 об.,30-31.

- ⁴⁷ Там же. 1903 г. Д.79. Л.2.
⁴⁸ Ястребов В.Н. Указ. соч. С.56-63.
⁴⁹ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1902 г. Д.94. Л.15-24.
⁵⁰ Отчет имп. Археологической комиссии за 1909-1910 гг. СПб., 1913. С.190.
⁵¹ Там же. С.5.
⁵² Тарасов П.Г. Курганы Тамбовской губернии и их исследование // ИТУАК. Вып.51, ч.2. С.29.
⁵³ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.3. Л.9.
⁵⁴ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1903 г. Д.79. Л.7.
⁵⁵ Тарасов П.Г. Новооткрытое доисторическое поселение // ИТУАК. Вып.52, ч.1. С.1-30.
⁵⁶ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1903 г. Д.79. Л.26-26 об.
⁵⁷ Отчет имп. Археологической комиссии за 1905 г. СПб., 1908. С.81.
⁵⁸ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.53. Л.2.
⁵⁹ ИТУАК. Вып.50, ч.3. С.9.
⁶⁰ Таинственный курган (Вниманию Тамбовской ученой архивной комиссии) // Тамбовский край. 1914. 20 мая.
⁶¹ См.: Чуистова Л.И. Указ. соч. С.109.
⁶² ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.68. Л.11.
⁶³ Там же. Д.93. Л.2.
⁶⁴ См.: Розанов М.Г., Проксурников В.А. Археологическая карта Тамбовской губернии и объяснительная записка к ней // ИТУАК. Вып.26. С.34-55.
⁶⁵ См.: Анучин Д.Н. К вопросу о составлении легенды для археологической карты России // Древности: Труды имп. Московского археологического общества. М., 1885. Т.X. С.105-112.
⁶⁶ См.: Список вопросов от имп. Московского археологического общества, по которым желательны были бы ответы для составления археологических карт губерний. М., 1888.
⁶⁷ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.8; Сведения о курганах // ТГВ. 1873. 13, 20, 27 октября.
⁶⁸ Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.59-10; *он же*. Археологические особенности Тамбовского края // ИТУАК. Вып.45. С.50-58.
⁶⁹ Норцов А.Н. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии. С.59-100.
⁷⁰ Археологическая карта Тамбовской области начала 1980-х годов фиксирует 800 памятников древности (См.: Чуистова Л.И. Археологическая карта Тамбовской области // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Уварово, 1982. С.3).
⁷¹ Воейков В.В. Заметка о курганах Тамбовской губернии // ИТУАК. Вып.46. С.61-65.
⁷² Николаевский М.Ф. Историко-археологические наброски о Шашком уезде // ИТУАК. Вып.56, ч.1. С.72-74; *он же*. Археологические находки и исторические достопримечательности в Шашком уезде // Там же. С.75-76; Ларин Н.Н. Краткий историко-археологический обзор Борисоглебского уезда // Там же. С.263-268; *он же*. Археологические находки в окрестностях с. Ростоши Борисоглебского уезда // ИТУАК. Вып.58. С.269-271; *он же*. Полонная вершина: К историко-археологической карте Тамбовской губернии // Там же. С.272-274.
⁷³ Спицын А.А. Саратовские древности. Прил.1-7. С.1.
⁷⁴ Лихачев И.Ф. Об устройстве провинциальных музеев и основании Общества охраны национальных памятников // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1891. Т.II. С.337-356.
⁷⁵ Уварова П.С. Областные музеи // Там же. С.259-284.
⁷⁶ Там же. С.265.
⁷⁷ См.: Каспаринская С.А. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII – начало XX в.) // Музей и власть. М., 1991. Ч.1. С.55.
⁷⁸ Покровский Н.А. Об образовательном значении музеев: По поводу открытия музея в городе Тамбове. Тамбов, 1880. С.7.
⁷⁹ ОР РНБ. Ф.847. Оп.1. Д.15. Л.71 об.
⁸⁰ ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.2853. Л.130.
⁸¹ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.3. Л.1-2.
⁸² ОР РНБ. Ф.847. Оп.1. Д.18. Л.182.
⁸³ ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.2853. Л.130.
⁸⁴ ИТУАК. Вып.1. С.12.
⁸⁵ ИТУАК. Вып.17. С.4.
⁸⁶ ИТУАК. Вып.29. С.6.
⁸⁷ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.23. Л.2,13. Д.42. Л.8.
⁸⁸ Отчет имп. Археологической комиссии за 1890 г. СПб., 1893. С.148-149; ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.25. Л.5; Д.23. Л.29.
⁸⁹ ИТУАК. Вып.45. С.32.
⁹⁰ См.: Самоцветов А.И. Каталог предметов, хранящихся в музее состоящей под высочайшим его имп. величества государя императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1916.
⁹¹ ИТУАК. Вып.31. С.5.
⁹² Десятилетие народных чтений в г. Тамбове. Тамбов, 1899.

- ⁹³ ИТУАК. Вып.38. С.2.
⁹⁴ ИТУАК. Вып.40. С.10.
⁹⁵ ИТУАК. Вып.56. С.26.
⁹⁶ ИТУАК. Вып.53. С.21.
⁹⁷ Норцов А.Н. Записка Тамбовской ученой архивной комиссии к съезду 6 мая 1914 г. // ИТУАК. Вып.57, ч.1. С.309.
⁹⁸ Б-в А. Музей Тамбовской ученой архивной комиссии // Тамбовский край. 1914. 4 января.
⁹⁹ Норцов А.Н. О каменных бабах // ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.111-126.
¹⁰⁰ Бранденбург Н.Е. К вопросу о каменных бабах // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. 1890. М., 1897. Т.III. С.13.
¹⁰¹ Уваров А.С. О каменных бабах // Труды Первого археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т.II. С.501-520; Кельсиев А.И. О каменных бабах // Труды Пятого археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887. Т.I. С.76-80; Веселовский Н.И. Новый тип каменных баб // Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т.III. С.383-384; Уварова П.С. К вопросу о каменных бабах // Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе. 1905. М., 1908. Т.II. С.92-96; Харламов В.А. О каменных бабах // Там же. С.236.
¹⁰² Веселовский Н.И. Указ. соч.; *он же*. Мнимые каменные бабы // ВАИ. 1906. Вып.XVII. С.1-25.
¹⁰³ Норцов А.Н. О бронзовом бурхане, найденном в Козловском уезде // ИТУАК. Вып.50, ч.2. С.101-110.
¹⁰⁴ См.: Труды Двенадцатого археологического съезда в Харькове. Т.III. С.385.
¹⁰⁵ Дьяконов П.А. Описание предметам, хранящимся в Тамбовском историческом музее. Тамбов, 1889; Каталог историко-этнографического музея. Тамбов, 1895; Самоцветов А.И. Каталог предметов...
¹⁰⁶ См.: Фролов А.И. Московское археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников старины и культуры. С.74-88.
¹⁰⁷ РГИА. Ф.733. Оп.142. Д.509. Ч.1. Л.3-4 об.
¹⁰⁸ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1887 г. Д.69. Л.603-630.
¹⁰⁹ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пгт., 1916. Т.1. С.592-593.
¹¹⁰ РГИА. Ф.1284. Оп.186. Д.30. Л.7-8.
¹¹¹ Покровский Н.В. Указ. соч. С.2.
¹¹² РА ИИМК РАН. Ф.1. 1886 г. Д.43. Л.2, 20, 65, 66.
¹¹³ ИТУАК. Вып.7. С.6.
¹¹⁴ Норцов А.Н. Губернские ученые архивные комиссии и их значение. С.55.
¹¹⁵ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.7. Л.3.
¹¹⁶ ИТУАК. Вып.31. С.2.
¹¹⁷ Сатин А.И. Из археологии г. Лебедяни. С.61-65.
¹¹⁸ Поспелов Д. Описание напрестольного креста и каменной плиты, хранящихся в Михаило-Архангельской церкви села Хрушевки Липецкого уезда // ИТУАК. Вып.13. С.59-60.
¹¹⁹ Фиксен Б.Г. Об осмотре старинных церквей в Тамбовской епархии // ИТУАК. Вып.42. С.27-32.
¹²⁰ Фиксен Б.Г. Историко-археологическое описание кафедрального Спасо-Преображенского собора в г. Тамбове // ИТУАК. Вып.44. С.99-108.
¹²¹ Черменский П.Н. Старинные храмы г. Лебедяни // Известия имп. Археологической комиссии. СПб., 1913. Вып.50. С.139-146.
¹²² ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.104. Л.1-444.
¹²³ ИТУАК. Вып.45. С.9.
¹²⁴ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.7. Л.17.
¹²⁵ Там же. Л.23.
¹²⁶ Норцов А.Н., Самоцветов А.И. Осмотр древней Ильинской церкви Лебедянского мужского монастыря в апреле 1901 г. Тамбов, 1901.
¹²⁷ РА ИИМК РАН. Ф.1. Оп.1. 1901 г. Д.59. Л.5 об.
¹²⁸ Норцов А.Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г. С.1-47.
¹²⁹ РГИА. Ф.733. Оп.455. Д.283. Л.37.
¹³⁰ РГИА. Ф.1284. Оп.186. Д.11. Ч.1. Л.131-134.
¹³¹ ИТУАК. Вып.52, ч.2. С.8-10.
¹³² РГИА. Ф.1284. Оп.186. Д.11. Ч.2. Л.127
¹³³ ГАТО. Ф.178. Оп.1. Д.7. Л.46.
¹³⁴ См., например: Орлов Н.И. Дворец Петра Великого в г. Липецке // ИТУАК. Вып.53, ч.2. С.1-6.
¹³⁵ См.: Бржостовская Н.В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела, 1884-1917 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1951. С.159.